10-го июля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

15

15

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го липня 1928 р.
PRAHA

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Борис Кундрюцков*: *** Стихи.
2. *А. Запольева:* *** Стихи.
3. *П. Крюков*: Степные тени.
4. *С. Савицький*: Туга за Кубанню (Стих.).
5. *Алексей Персидсков:* Зной (Стих).
6. *Санжа Балыков:* Смерть Ад'яна.
7. *Гнат Макуха:* (Стихи).
8 Исполним свой долг!
9. *Т. Стариков:* Два выстрела.
10. *К. Горовский*: Почему невозможен большевизм в Европе?
11. *Мих Минаев*: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
12. Д-р *С. Федоров*: Литературные произведения Я. Г. Кухаренко.
13. Думы и мысли казачьи.
14. Казачья эмиграция.
15. На Кавказе.
16. В С. С. С. Р.
17. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Германия. — Берлин. — К. — Получено.

Далмация — В. К. — „По вольным станицам" получено. Материалом воспользуемся. Остальное — письмом.

Бразилия. — С. С. — Пришліть нам, будь ласка, те число газети, в якому про нас надруковано. Вітаємо Вас. Листа одержали.

Бравилия. — **S. Marcos**. — Ф. Б. — Почему не пишешь?

Болгария. — София. — В. — Послано.

Болгария. Ески-Джумая. — Г. — Вам и станичникам шлем казачий поклон. Будет.

Канада. — Ал. Б-ко. — Получено. Спасибо. Передано. Привет.

Польша. — Уд-ко. — Исполнено. Журнал послан.

Румыния. — В. П-ву. — „Два раза под Петроградом" получено. Для журнала этого много. Подобные воспоминания хороши для специального издания, вроде „Донской Летописи" или другого какого, посвященного исключительно вопросам революционных дней на Дону, на Кубани, — вообще в Казачьих Землях. Может быть, когда нибудь и перед нами станет вопрос о своем „архиве революции". Чужие о нас пишут скверно — надо писать о себе самим. В этом прежде всего ценность и Вашего труда. Некоторые места требуют, правда, чисто редакционных поправок, но это мелочи.

Остальным материалом, по возможности, воспользуемся. Привет казакам.

Чехословакия. — Брно. — Г. — Вы пишете: „Считая бесполезной затеей — обращаться за раз'яснением в редакцию „Путь Казачества", направляю свое письмо на страницы Вашего журнала и прошу, если это в ваших силах, дать на мой вопрос короткое пояснение.

В № 28 журнала „Путь Казачества" я прочитал стихотворение, подписанное Александром Туроверовым, под названием „Ветер". К моему большому удивлению это же стихотворение, под тем же названием „Ветер", я нашел в старом журнале „Казачьи Думы" (№ 29, 15 июля 1924 г.) за подписью Н. (Николая?) Туроверова. Кто-же в таком случае автор стихотворения?.. — Сочуствуя Вашему желанию знать подлинное имя автора сообщаем Вам адреса по которым Вы можете навести справки: 1) Н. Туроверов (за подписью которого стих. появилось в 1924 г.) — 2, **rue Hericart. Paris (XV)** и 2) Александр Туроверов (появление того-же стих. в 1928 г.) — **Přibram**, II-264. Вне всякого сомнения, что только подписавшиеся под стихотворением могли бы ответить Вам определенно, кто из них воспользовался чужим достоянием, а никак не „Путь Казачества", доверчиво напечатавший стихотворение сомнительного происхождения.

Чехословакия. — Туклаты. — S. — Вы пишете: „С глубоким прискорбием прочитал в № 14 жур. „В. К." о прекращении дальнейшей бесплатной высылки... Всегда, с большим интересом, как казак прочитывал журнал от крышки до крышки, который умело и правдиво открывает занавесы политических кулис... — Настал час знать казакам закулисные стороны политической жизни! Пора перестать ходить чужими дорогами, когда есть своя, самостоятельная, к а з а ч ь я д о р о г а! Пора перестать ходить на поводу!

Ваше желание будет исполнено.

Югославия — Белград. — П. К. — Сообщите свой адрес Б.

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО / ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией **И. А. Билого** и **М. Ф. Фролова.**

Год издания второй.

Редакция и контора: **Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.**

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 15. *Прага, вторник 10-го июля 1928 г.* *№ 15.*

Борис Кундрюцков.

* * *

Алтарь горит... Душа молчит — убога!
Нет громких слов, ребячества, хулы —
И только рóем вкруг Степного Бога
Высокие и крепкие валы...
И жертва чистая — ковыль и повилика,
Прозрачным дымом молит небеса,
Да на валу воткнута в землю пика,
На пике волосы из конского хвоста...
И смуглых лиц упорное молчанье
И вдохновенье глаз, и сомкнутый кулак...
. . . . . .
Знакомо-ль вам казачее страданье
И на челе мучений тяжких знак?...
Детей казачьих стон, вопль девушек плененных,
Разграбленный, сгоревший отчий дом?...
Молчим!.. В сердцах и в мыслях воспаленных,
Молитва — боль и грязи чей-то ком!

А. Запольева.

* * *

Вьется дым в небесной дали,
Нижет синюю вуаль...
Меркнут мягкие печали,
Мне их жалко... Мне их жаль.
Дышит зеленью береза,
Реют стаи голубей.
Улетели сказки, грезы...
Звон несет весна с полей.
Мне тоскливо их рассеять,
Скинуть ризы нежных снов...
Солнце луч искристый стелет
В потускневшее окно.
Ветер дышит мне прохладой,
Мне цветы смеются в поле.
Сон прошел. Я солнцу — рада!
В этой жизни — нету горя!..

15-V-1928.

П. Крюков.

Степные тени.

— Деданя-я-а!.. Дедань! Иде ты? — всматриваясь в сумерки, густой пеленой окутавшие луг, кричал девятилетний Ванятка Коньков, пугливо поглядывая вокруг.

— Дедань!..

— Ну, што?.. Што, мой болючий, кричишь-то? — раздался где-то невдалеке спокойный голос деда. — Чево испужался, соколик?

Ванятка бойко шмурыгнул носом и, шурша по траве тяжелыми чириками, бросился навстречу к деду.

— Не-е! Я не испужался, — храбро заявил он, подбегая к деду, несшему на плече небольшой бредень.

— Ну, и Христос с тобой! Чево пужаться-то? Ай ты не казак?.. Пужаться не надо, соколик мой ясный, — ласково говорил дед, гладя по кучерявой головенке грубой, заскорузлой рукой.

— Рыбы принес, деданя? — спросил Ванятка, ощупывая висевшую у деда на плече мокрую торбу.

— Принес, мой болючий, принес! Бог послал и рыбки и раков; ноня свежей рыбкой повечеряем.

— А маманя где? — вспомнил Ванятка про мать, ушедшую с дедом ловить рыбу.

— Сычас и она придет: рыбу там подбирала.

— А много рыбы? — не унимался Ванятка.

— Хватит, соколик! Пуда три поймали. Вот мать принесет — поглядишь: двух сазанов загребли да каки-их!

— Ну? — подпрыгнул Ванятка.

— И право слово!.. Там сбочь нас ловили Бойцовы, так они большим бреднем из под яра сома отхватили: чудок он им бредень не порвал. Так на него Варька Шкуратова верхи садилась, штобы придавить его, а он как мотанёт хвостярой — она чебурах в воду!.. И смех, и грех!.. Кабы поглубже где они этого сомяку захватили, — так ни в жисть не вытянули-бы, а то, как раз,

на́-косу вытягать стали из под яру — и он тут!.. Какая его болячка туда занесла?!

Дед положил около арбы бредень, сбросил с плеча торбу и высыпал из нее на землю рыбу.

— Ну, внучек, разводи огонь, — сказал он Ванятке, развешивая бредень для просушки. —

Сычас маманя придеть, нужно готовить, а то ноня припознились, а завтра надо кончать косьбу: время не ждет!

Ванятка засуетился, забегал и скоро около стана Коньковых весело запрыгал, заискрился по сухим дровам и кизекам яркий огонек. Приятный дымок, разгоняя тонко нывшую в воздухе армию комаров и мошкары, закурился над лугом, смешался с запахом свеже-высохшего сена и легким, прозрачным облаком поднялся вверх и затерялся где-то в бездонной, зловеще-мрачной глубине небесного свода.

Дед развесил бредень, громко высморкался в сторону и, степенно разглаживая белоснежную, отливающую в пламени костра бликами, бороду, подошел к сидевшему перед костром в задумчивом созерцании внуку, накинул на плечи чекмень и присел около костра. Некоторое время оба сидели молча, погруженные каждый в свои мысли.

Дед, — высокий, кряжистый старик, еще не согнувшийся под тяжестью своих семидесяти лет, — много видел и пережил на своем веку. Где только ни побывал он в молодости в рядах Донского казачьего полка: был и в Польше, и в Венгрии, и на Кавказе. Было о чем вспомнить старику, но было о чем и пораздумать: четырех сыновей забрали у него в полк, из которых два — отец и младший дядя Ванятки жили с дедом в одной семье, а два других, старших, были в отделе. Три очереди казаков с Дона потребовалось царю: на борьбу с врагом внутренним, — на усмирение рабочих и крестьян. Осталось в станицах только и рабочих, что глубокие старики, дети да бабы: было о чем пораздумать старому Роману Андреевичу Конькову.

Ванятка весь погрузился в восторженное созерцание ярко пылающего костра. Ему хотелось есть, но мать еще не пришла, а следовательно и ужин должен быть не скоро. Нужно было чем нибудь убить это скучное, однообразное ожидание ужина. Ванятка вспомнил про деда и обрадовался; давно он не слышал его рассказов про всякую всячину: про походы, про чужие дальние страны, про старину, — ведь дед такой мастер рассказывать! Надо только с уменьем подойти к нему, затронуть его любимые струнки, а то, если „не клюнет", так потом к нему с неделю на дикой козе не под'едешь.

Ванятка задумался, изредка исподлобья поглядывая на деда.

— Дедань, — робко начал он, не зная, как дед взглянет на его попытку.

— Што, мой болючий? — задумчиво откликнулся дед.

— Зачем тут у нас возле станицы курганы насыпаны? Чево в них зарыто што-ль? — ободренный началом, спрашивал Ванятка.

— У нас ребятишки все гутарять, што в них черти живут. Правда это ай нет? — с любопытством вскинул он на усмехнувшегося деда глазёнки.

— И-и, внучек! Чево только люди не набрешуть; ты их поменьше слухай! Все это брехня бабская!.. Конешное дело, есть кое-где места не тово... нечистые, ну, это не везде. А есть! Есть, где ежели и не живуть они, враги-то Христовы и рода человеческого, так слетаются, сбегаются туда, — вроди как майдан у них там бывает на иных курганах. Видать то их никто не видал, а ежели и видал, так живой не оставался — там же и помирал; не дано это, мой соколик, видать человеку. Ты еще маленький зараз, а вот подрастешь, на службу пойдешь — тады про все узнаешь.

— Дедань! А што там в курганах-то? — вопрошал Ванятка, видимо не утешившийся мыслью, что когда вырастет — все узнает.

Дед ответил не сразу. Он подбросил в костер дров, погладил свою волнистую бороду и сказал, как бы нехотя: — Разное бывает там... Потом подумал некоторое время, запахнул чекмень и усмехаясь спросил:

— А тебе зачем это хребтиться знать-то? Либо-што про клады какие-нибудь старушонки набрехали? А?

Ванятка понял насмешку деда и отпарировал:

— Да ведь ты и сам говорил.

Роман Андреевич усмехнулся.

— Не забыл, пострел!.. Говорил и я, конешное дело, но это, концы в концов, больше брехни!.. Есть и клады. Зарыты они еще татарами косоглазыми; ведь курганы — это ихние могилы — батырей разных да джигитов. А есть курганы, просто так насыпаны, как вышка, посты строжевые стояли на них раньше — и наши казачьи, и татарские. Ну, вот теперь и догадывайся: в каком кургане есть клад, а в каком его нет!

Ванятка мечтательно посмотрел на пылающий костер и как-бы в раздумьи произнес:

— А в Мечетном-то, гутарять, деньги зарыты, да два джигита: казак да татар.

— Кто ево знает, мой болючий! Много люди гутарят, да кому верить-то?.. Разрывали его, Мечетный-то, один раз. Нашли колодезь глубокий: кирпичный — не кирпичный, а крепкий. Каменьев, сам знаешь, у нас по степу днем с огнем не найдешь, а стены у колодезя, кубыть, каменные... Пробовали спущаться в нево, да штой-то там показалось страшное, ну ево и зарыли опять. Так и до сей поры никто не трогает этот курган.

— Ограмаднеющий курган, — солидно заметил Ванятка, подумал немного и прибавил:

— А Сиволобов, пожалуй, больше, деда?!

— Да-а!.. Сажóн десять вышиной будет, — согласился Роман Андреевич. Оба собеседника замолкли. На горизонте, из-за леса, раскинувшегося причудливым темным чудовищем по берегу быстрого протока — Рогова, хитро осклабившись и подмигивая, выкатилась круглоликая, жирная луна и тусклым холодно-серебряным светом залила весь луг, спугивая вечерние черные тени. Где-то далеко в лесу угукнула сова и ее глухой своеобразный крик легкими перекатами побежал над лесом, задрожал над лугом и резко оборвался где-то в безбрежной степи.

К стану Коньковых, тяжело дыша, подошла здоровая, сильная женщина и сбросила с плеча большой мешок, до половины нагруженный рыбой; в другой руке у нее было ведро, наполненное крупными раками.

Ванятка быстро подбежал к матери и заглянул в мешок, горя желанием увидеть пойманных больших сазанов. Он вытащил одного из них и поднес к костру.

— Ого! Вот это так са-за-ан! — протянул он, с удовольствием глядя на огромную рыбу, оттягивающую ему руки своим весом.

— Ну, Матвевна, готовь вечерять, — распорядился дед. Ноня и так проякшались с этой рыбой до поздна.

— Зараз, папаня, — отозвалась мать Ванятки и принялась чистить рыбу.

— Ванятка! Подвесь казанок-то; нехай вода покамест закипит, — ласково сказал старик внуку и потом добавил:

— А я тебе расскажу посля как мой покойный дядя с Митрофаном Петровичем Сухопольсковым Сиволобов разрывали.

Ванятка, поощренный обещанием деда, быстро всполаснул казанок, налил в него воды из боченка, стоявшего на арбе, и пристроив дугу под оглоблю, повесил на проволоке казанок таким образом, что он пришелся как раз над пламенем костра.

— Молодцом! — похвалил старик внука, когда он, окончив поручение, подсел к нему.

— Ну, деданя, рассказывай!.. Роман Андреевич подумал некоторое время, разглаживая бороду и усы, потом уселся поудобнее и начал рассказывать.

— Дядя мой, царство ему небесное, не дюже был богатый. Жил — всего в достатке было; за большим не гонялся, а вот когда стали подрастать сыновья, стал задумываться: с чем, то-ись, с какими средствами их справить на службу: и коней надо, и оружие, и мунищию всякую. А ведь это все денег стоит да каких еще денег-то, когда сынов шестеро, а штобы строевого коня справить, — надо пару быков продать!..

Вот тут-то он и надумал разбогатеть вскорости! Сговорились они с Суходольсковым раскапывать Сиволобов курган. Приготовили струменту всякого и ночью под Троицу начали работать. Два дня и три ночи работали они, потаясь от людей. Как посля дядя рассказывал;

иной раз мороз по коже драл со страху; сова пролетит аль волки за Роговым завоют в лесу, а у них уж и руки трясутся и ноги не держут!.. Проработали они так всю Троицу, а денег нет да и нет. Суходольсков плюнул было: не хочу, говорит, больше ковыряться, как жук в ...! Ну, дядя распалился дюже: четверть водки, говорит, поставлю, только работай!.. Опять стали работать. Люди сено едут косить, а они, как суслики, под землей роются, — не положеного ищут. Наконец уж и дядя стал сумлеваться: должно ничего нету. Перед вечером совсем было уж бросать стали, а дядя ка-ак вдарить лопатой в землю, хотел было сказать: будя, — а лопата — только — дзынь! А-а! Вот оно што!.. Давай опять рыть. Глядят: рубашка железная, вся целая; потом палаш какой-то чудной нашли; наконешники от пик, а денег только и нашли, што три золотых палочки, с вершок этак длиной.

Роман Андреевич покрутил головой и тихо засмеялся.

— Думали, што даром труды пропали. Золото, правда, продали: хорошие деньги за него получили. Палашом бабы дрова стали рубить, а рубашку бросили в чулане и забыли про нее... Дядя помер, Суходольсков еще был живой, — это годов десять тому назад, ты еще не родился, приехал к нам в станицу к батюшке один студент, ученый какой-то, в форме... Проходил он как-то мимо дядиного двора и увидал — ребятишки палаш таскают, — полюбопытствовал поглядеть. А как поглядел и пошел прямо в хату к твоему дяде Игнату Карповичу. Он дома был как раз. — Откедова, говорит, у вас этот палаш? — Твой дядя ему и рассказал, да и про рубашку вспомнил. — Покажите ее мне, — сказал студент. Как принесли ему ее, он ухватился за нее и обрадовался, как отцу родному. — Да ты знаешь, говорит, отец, што эти вещи стоют?

Откедова, мол, нам знать? Мы люди темные; думаем, што татарское это все. А тот покачал головой, студент-то: — не-ет, говорит, отец! Кабы татарское, это бы за полцены пошло, а то еще до татар годов за триста... Он ведь и сказал — какие люди эту рубашку и палаш делали, да уж дюже мудреное прозовище-то: в голове не держится... — Продай, — говорит, отец, их мне. А дядя-то твой и говорит: не покупал — не продаю, хорошим людям так даю! — и отдал... Так што-же ты думаешь: месяца через три дядю зовут на почту — деньги получать. Пятьсот целковых огреб тогда Игнат Карпович. Студент-то, видно, продал их, эти вещи, да и дядю твово не забыл...

Роман Андреевич задумался, глядя на закипающую в казанке воду. Ванятка ковырял палочкой уголья и глубокомысленно посапывал. Луна выкатилась на простор жутко-глубокого небосклона и плавно понеслась по его величавой шири, как будара, ныряя в светлых, марево-хрустальных, узорчатых облаках. Где-то около озера крикнул испуганно чибис, ему отозвался дергач, а в озере дружно загрохотали лягушки.

На соседнем стане у Бойцовых, два молодых голоса запели песню и ее тоскующий, рыдающий напев зазвенел, запрыгал, заискрился над лугом, рванулся ввысь к хитрой, величаво-спокойной луне и замер где-то высоко, высоко в причудливой бриллиантово-жемчужной сети лунных лучей.

Легкий, прозрачный ночной туман клубился над лугом и озером; еле слышно шептались высокие камыши над водой и казалось, что в лунном свете бесшумно скользили чьи-то огромные, причудливые тени; беззвучно шептались меж собой, сходились и расходились в дерзкой, невидимой схватке, падали, вставали и снова падали. Тягучий, рыдающий напев казачьей песни переплетался с этими тенями и чудилось, что это не песня звенела в воздухе, а тени каких-то сказочных богатырей, древних зипунных рыцарей Дикого Заполья, рыдали над своими величественными могилами — курганами...

Древние, забытые степные тени...

С. Савицький.
(Бразилія).

ТУГА ЗА КУБАННЮ.

В травах купаються квіти пахучі;
Сонечко золотом в небі горить;
Ластівка - стрілка співає летючи;
Степ, наче море, хвилює, шумить.
Бов! бов! бов!.. — дзвонять у рідній станиці.
Згуки хлюпочуть, в повітрі пливуть.
Сяють на церкві хрести, мов зірниці.
Пишні садки зеленіють, цвітуть.
Ясно і тепло. В церкві співають;
Пісні побожні на небо летять.
Свічечки білі, як зіроньки сяють;
Теплу молитву уста шепотять.
Сонечко в ліс за Кубанню пірнає.
Хлопці й дівчата по вулиці йдуть.
Пісня дзвінка по станиці лунає.
Пісні козачі із серця пливуть.
Боже всесильний, дай мені крила:
Я на Кубань, як орел, полетю.
Пісню почую, що серденьку мила,
Душу що тішить в суворім життю.
Степ свій широкий у квітах побачу,
Рідну станицю і рідну Кубань.
Може ще й матір, за мною що плаче...
Боже, верни мій загублений рай!

Алексей Персидсков.
(Брно).

ЗНОЙ.

В зеркалá с стальным отливом
Загляделись клены.
У пруда склонились ивы
Солнцем опалены.
Мечет радужные брызги
Говорун ручей,
Извиваяся капризно
Между камышей.
Шелестят устало травы,
Дремлет осока...
Зной полуденной отравы
Спешил казака.
Оковал тяжелой дремой
Зыбкие пески,
Тронул золотом стремена
И коня виски.
Напоил дыханьем пряным
Горькую полынь,
Побежал по балкам, по бурьянам
В степовую ширь...
Побежал и сгинул в дальних окоемах,
Обласкав до встречи пасмурный курган,
Поиграл листами на поникших кленах
И исчез до завтра — в свой лазурный стан...

Санжа Балыков.

Смерть Ад'яна.

Бойким чистеньким приказным, с именными серебряными часами за отличную рубку, с большим желтым сундуком, полным форменной казачьей одежи и гостинцев для родных, вернулся Ад'ян с действительной службы в свою станицу, где ждала его у своих родителей жена Алта с шестилетним сыном Чингисом.

Погостив недели две по родным и соседям, пощеголяв формой, погарцевав на своей полковой лошади по станице, он успокоился и, переодевшись во всё домашнее, будничное, поехал за Маныч опять наниматься в табунщики.

Ад'ян знал, что обзаводиться собственным двором и жить самостоятельным хозяином в своей станице ему, по его бедности, будет трудно, а в табунщиках, на хозяйских харчах для семьи и кормах для скота да еще с жалованьем, он гораздо скорее сделается зажиточным хозяином. Совет своей жены — жить вместе с тестем — он не принял, так как такое положение считается у калмыков недостойным хорошего мужчины.

Старый хозяин охотно принял уже знающего табунное дело Ад'яна, который скоро втянулся в свое прежнее ремесло.

Жизнь его опять пошла по старому. Через три года он был уже старшим в одной части табуна. Положением своим Ад'ян был доволен. Хозяйство его росло с каждым годом. Алта родила ему еще одного сына. Семейная жизнь его была тиха и безмятежна, полна взаимной любви. Она была для него главною радостью в жизни, смыслом в ней. Семьею своею он был горд и счастлив.

Но не долго пришлось сидеть Ад'яну дома. Нагрянула война и ему пришлось, как второочередному казаку, вытаскивать залежавшуюся полковую форму, надевать шашку, седлать строевого коня и ехать на сборный пункт, а там и дальше, на фронт.

Два года пробыл Ад'ян на фронте, успел отличиться — заслужить крест, получить урядника, но конца войны все не было. И вдруг пришла ему выручка, откуда не ожидал.

Когда Донские частные коннозаводства были признаны „предприятиями, работающими на оборону государства" и было приказано всех калмыков табунщиков, как незаменимых специалистов, вернуть к табуну, прибыл домой и Ад'ян.

После долгой разлуки и пережитых опасностей на войне, опять потекла ладная жизнь в семье и при любимом деле. Через год, когда старый ревизор табуна Учур попросился на покой, заведывание табуном было передано Ад'яну. Теперь он получал 500 рублей в год, мог размножать скот до сотни голов, косить сколько угодно сена ...

Ад'ян чувствовал, что счастье его дошло до размера, дальше которого он уже и не мечтал.

Революция 1917 года не произвела среди табунщиков никакого впечатления.

„То — не наше дело. Ушел один царь, другой какой-нибудь сядет. Наше дело разводить лошадей, которые, как оказалось, очень нужны государству" — как будто говорил каждый табунщик.

Наступил, между тем, октябрь русской революции.

Дон об'явил себя самостоятельным государством. Москва послала тучи войск для покорения его. Застрелился выборный Донской атаман Каледин ...

По степи начали рыскать шайки конных вооруженных мужиков-грабителей, называвших себя большевиками. Слышно было, что они забирают все ценное, хорошее, что при этом они убивают невинных людей, насилуют женщин и что закона карающего нет на них в государстве.

Все это было так необыкновенно, ново, что люди растерялись, зажили в тревоге, в ожидании чего-то плохого.

В Ад'яновом хотоне пока все было благополучно. Сам Ад'ян с подчиненными табунщиками, за отсутствием хозяина и растерянностью управляющего, угнал весь трехтысячный табун в глубь степи, подальше от селений, проезжих дорог и спасал его от безумных хищников.

Табунщики по очереди, преимущественно по ночам, навещали свои семьи и запасались провизией.

Была темная февральская ночь, когда наехала на Ад'янов хотон шайка мужиков и, разбредясь по землянкам, начала чинить обычные „обыски".

Алта с сыновьями уже спала. Внутренность маленькой незатейливо убранной землянки освещалась лампадкой перед божницей.

Выстрел, вдруг раздавшийся у землянки, заставил ее проснуться, вскочить и кинуться отворять дверь, которая под чьими-то ударами уже трещала и ломалась.

Направляя на нее штык, с грубым непонятным окриком и матерщиной вошел рябой, на один глаз слепой мужик в серой солдатской шинели, в серой облезлой папахе с опущенными ушками. За ним еще один, пониже ростом, помоложе.

У Алты от страха отнялся язык. Не зная что делать, дрожа и щелкая зубами, в одном нижнем белье, подошла она к проснувшимся детям и заботливо начала укрывать их одеялом.

— Ага!.. куначка молодая попалась, небось еще тепленькая с постели-то?.. Пятруха, товарищ, начни што-ль ты, а я пока по сундукам, — проговорил первый и принялся прикладом винтовки разбивать крышки пестрых калмыцких сундуков.

— Ложись, мачка! Живо, а то я те штыком в брюхо! — приказал Петруха, шагая к Алте.

— Зачем ложить... Бож мой... ни надо, мальчишк боютца, усе там бери... попыталась заговорить Алта, заслоняя собою детей.

— Ну там, яще баешь! Ложись!! — заорал мужик, хватая Алту за шею и валяя ее возле детей.

Диким нечеловеческим голосом закричала она, забывая все на свете. Думая, что разбойники убивают их мать, громко заплакали дети.

Вдруг Чингис, старший мальчик, вскочил с кровати, подбежал к шкафу и, вытащив отцовскую шашку, бросился на насильника.

— Стой... брось, змееныш! — заорал другой мужик, шаривший по сундукам, хватаясь за винтовку.

Но Чингис уже успел опустить занесенный палаш на голову разбойника и тут же сам упал с разбитым черепом.

— Ах ты, проклятый гаденок! — заревел раненый мужик, оставляя Алту и, схватив винтовку, в бешенстве пырнул штыком в живот громко плакавшему меньшему мальчику.

Алта успела заметить только смерть старшего сына и потеряла сознание.

— Товарищ, он, кажись, меня поранил, посмотри-ка и перевяжи, — попросил Петруха, кидая другому солдатский пакетик.

— Рана пустяшная, известное дело, что мальчуган мог сделать, — говорил тот, перевязывая рану и сопя носом.

— Хорошо что мальчишек успокоили... тихо оно теперь стало, лучше... а мать обомлемши... ну, ничего, вот я примусь за нее, так от меня проснется, — продолжал он рассуждать, — ты посмотри Пятруха, как будто бедные табунщики, а сундуки полны добра, там тебе — все шелка, меха да сукна — проговорил он, кончая перевязку.

— Потому они буржуи, еще в станицах они землю имеют, казáки же они, хоша и комлыки — отвечал Петруха.

— Ну, Пятруха, ты поди в сундуках полазь, возьми што тебе надо, да вон в божнице то ихней пошарь, говорят, деньги они туда кладут, а я за куначку примусь, — промолвил первый, подходя к неподвижно лежащей Алте.

— Эге!.. Она уже холодна вся, капут ей пришел, насмерть ты, значит, комлычку... Ну, и чорт с ней, найдем ишшо, — спокойно заключил он, отходя от трех трупов.

Мужики переоделись в Ад'яновой землянке с ног до головы, но свою одежу все же не бросали, а уложили в мешок, чтобы унести.

Петруха теперь был одет в беличью, крытую черным шелком, шубу Алты.

— Ты смотри, товарищ, што твой генерал, — говорил он, поглаживая золотые позументовые украшения на груди шубы по темно-красному бархатному четырехугольнику.

На голову он напялил ее же ушастую шапку из черной сибирской паречи с желтым верхом и большим красным махром — „зала". Другой был одет в Ад'янову темносинего сукна поддевку, подбитую белыми курпеками с черным каракулевым воротником. Подпоясан он был Ад'яновым поясом, с богатым серебряным набором на широком ремне. На голове у него уже была черная каракулевая шапка.

Когда грабители, плевком потушив лампадку, вышли на двор, в одной части хотона раздался разрыв бомбы.

— Слышь, это приказ собираться, комиссар говорил, сказал один и, сев на коней, поскакали туда, откуда послышался звук разрыва.

На окраине хотона, окликая в темноте друг друга, собиралась шайка.

— Славно мы поработали, — говорили между собой мужики, гурьбой выезжая из хотона на дорогу.

— Маленький хутунок, а кое-чего было порядошно, — заметил один из шайки.

— Ну, а хто товарищи на безвинную напал? — спросил в темноте начальнический голос.

— Я, товарищ комиссар.

— И я, и я, — раздалось еще два-три голоса.

— Ишь ты, много. У них девки, знать, соблюдают, не то, что наши, — сказал один.

— А укокошили много? — небрежно спрашивал комиссар.

— Мы с Пятрухой трех: мать с двумя сынами.

— Я одного комлыка; хотел сына его, парня лет шаснадцати, ухлопать, да отец попросился взамен ему, ну, я и разрешил.

— Я одного старика с дочкой; старик за дочку заступался, с топором кидался.

— Правильно товарищи, нечего их жалеть, они тоже, нашего брата по пятом годе с казаками пороли и они же казáки. Так, добре ребята попаслись, значит?

— Да уж куды, спасибо тебе, товарищ комиссар, попользовались...

— Рысью! — скомандывал комиссар.

Гулко отдаваясь в ночной тишине, зацокали подкованные кони по мерзлой степной целине. Разгромленный маленький Ад'янов хотон тускло осветил поздно выглянувший косой диск луны.

В эту же ночь возвращался домой от табуна и Ад'ян с одним из своих табунщиков.

— Что-то на душе не спокойно, как будто боюсь чего-то, говорил Ад'ян спутнику, налаживая трубку и привычной рукой закуривая на ходу одной спичкой... —

Главное, позапрошлою ночью плохой сон видел, и как раз под утро, когда сны почти не лгут.

Снилось мне, будто кто-то три коренных зуба у меня со страшною болью вырвал. А это не хороший сон. С того дня и не по себе мне.

— Сейчас же после плохого сна нужно плюнуть на землю три раза, да три раза повторить: „Что ночной сон, что сливка на воде — одинаковы", ну, а потом нужно поехать к гелюну и заказать молитву против плохого сна, это самое верное дело, отвечал ему табунщик.

Было уже за полночь, когда под'ехали они к своему хотону, едва различаемому в темноте бесснежной зимней ночи.

Пустив коня в сенник, Ад'ян подошел к двери своей землянки и, к своему удивлению, заметил, что она раскрыта, а там, внутри, царит жуткая тишина, холод.

Что-то заныло, замерло у него в груди. Быстро шагнул он внутрь, дрожащей рукой чиркнул спичку и то, что бросилось ему в глаза, заставило его вздрогнуть и уронить спичку. Другая вспыхнувшая спичка убедила, что ему не померещилось и что перед ним ужасная правда.

Ад'ян протяжно и мучительно застонал.

. . . . . .

Всю ночь рыл Ад'ян пол своей землянки (на дворе земля была мерзлая) и к утру вырыл глубокую яму.

Обмыв и одев все три, дорогие ему тела в белые рубашки, завернув каждое в белую полсть, опустил их в могилу, засыпал землей и сравнял. О похоронах по религиозным обрядам он не подумал. Потом собрал в одну кучу все вещи в землянке, всю домашнюю рухлядь, натаскал на них соломы, облил дегтем, керосином и зажег.

Ад'ян был словно в бреду, глаза его горели, оскаленные зубы были крепко стиснуты и, время от времени, скрипели. Когда от землянки остались лишь обгорелые стены, вооружившись большим дрючком, разбил и развалил он и стены.

Превратив свое жилище в груду обгорелой земли и золы над могилой своей Алты и сыновей, Ад'ян растворил баз, выпустил весь скот и, крикнув соседям, чтоб разбирали, оседлал коня, сел и, не сказав никому ни слова, выехал из хотона.

(Окончание следует).

Гнат Макуха

* * *

О, милий краю, тихий світе!
Чи ти найгрішніший, мій квіте,
Що всі тебе так обдирають
Та на хресті все роспинають?
Чи ти не так Йому молився,
Що Він на тебе розгнівився, —
Послав неволю, лихо, тугу
А вкупі й москаля катюгу,
Який гнітив і знову гніте
Та добива тебе, мій квіте...
— Оттак в ночі я промовляю,
Думки на небо посилаю
І там високо, аж у Нього,
Для краю рідного мойого
Я долю й волю ту прохаю, —
Чи випросю ж я їх — не знаю.
За неню рідную свою,
Кубань обідрану мою
Тебе я, Господи, прохаю,
В Тобі я правди ще шукаю,
Бо на землі її не знають —
Її вже люде тут не мають.
Зміни Ти гнів, зміни на милість
Та покажи свою Ти щирість:
Пошли Кубані, Боже, долю,
Верни загублену знов волю,
Верни... Дай знову прославляти, —
Бо не молити буду, — кляти, —
Хоч потім, Господи, пошли
Мене у пекло, — де пішли
Всі ті, що душі загубили,
Що брата рідного вдушили...
— Отак я Бога все молю
За неню рідную мою
І нишком теж Його питаю:
Чи повернусь коли до Краю?
Узрю Кубань — мій рідний Край,
І той мій степ, і той мій гай?...
Отак Всевишнього спитаю
І, як дитина, заридаю...

Исполним свой долг!

В своей борьбе против государственной самостоятельности Казачьих Земель и в походе против самостийников, противники наши — казаки и не казаки — стараются убедить друг друга в том, что казаки никогда самостийниками не были.

Неказаки утверждают, что „широкие массы казачества“ (в противовес, очевидно, „кучке“ самостийников) одушевлены и об'единены около всеохватывающей идеи автономизма, соединенного с „непреклонной верностью принципу целости России“ („Посл. Новости“).

Некоторые казаки, некогда предлагавшие нашим законодательным учреждениям и сами, как члены этих законодательных учреждений, принимавшие Конституции самостоятельных казачьих республик, присягавшие (не по принуждению!) потом на основании этих Конституций служить только Дону, только Кубани, говорят теперь, что это было и не в серьез, и не на долго... Некоторые из них переходят сейчас на позицию нейтралитета своими заявлениями,вроде:

Ну, что-ж, если казаки сумеют добиться самостоятельности, то мы и против этого возражать не будем.

Так говорят те, кто должен был бы больше всех работать для дела освобождения и восстановления Конституций Казачьих Земель.

Верим, что недалек новый 1917 год, но боимся, чтобы Казачество вновь не встретило грядущие события так же неготовым, как это было в недалеком прошлом. Особенно это касается задач и целей будущей борьбы (без борьбы вообще наш вопрос — вопрос освобождения — не разрешится, речь может идти только о том, меньшая или большая, более удачная или менее удачная она, борьба, будет).

По нашему, задачи эти совершенно правильно в общих чертах формулированы казаками еще летом 1917 года. В доказательство этого и в доказательство того, что казаки были и суть самостийники, мы позволим себе привести свидетельство одного из очень больших противников действительной государственной самостоятельности Казачьих Земель — б. Донского Атамана Краснова, изложенное им в его книжке, посвященной казачьей „самостийности“, написанной еще в 1921 году (изданной ультра-монархическим издательством „Двуглавый Орел“). Генерал Краснов, в ответ на свой вопрос: когда зародилась казачья „самостийность“, рассказывает:

„В это сумбурное время (т. е. летом 1917 года, ред.) я командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией. Дивизия была второ-очередная, состояла из пожилых, уравновешенных казаков кубанцев. Но были, особенно среди офицерского состава, и молодые, горячие головы...

Как то, в начале августа, зашли ко мне в сел. Тростенец командиры полков и сказали: — не можете ли вы, Ваше Превосходительство, рассказать казакам о казачьих войсках, их географическом положении, их соотношении с Россией? — А что? — Да среди молодежи упорно сидит мечта о создании отдельного общеказачьего государства, независимого от России, управляемого своими атаманами, со своим старшим атаманом, или советом атаманов. — Да вы сами то как об этом думаете? — Понимаем, что это невозможно... А только хорошо бы это было. Потому что, если эта пакость будет продолжаться, погибнет Россия, погибнем и мы с нею. А так, может быть, своею казачьею республикою и устоим. — Хорошо, сказал я.

На 9 августа, в земледельческом училище, в обширном рекреационном зале я назначил сообщение. Казаков собралось, как никогда, много. Я повесил карту Российской Империи, нарисовал на классной доске маленькими квадратами, треугольниками, линиями и точками все одиннадцать казачьих войск, рассказал историю их образования, указал на то, что более или менее компактную массу представляют только три войска: Донское, Кубанское и Терское... В Донском войске казаки составляют всего 60% населения, в Кубанском и того меньше. При таких условиях жить казакам возможно только в полной дружбе с Россией и ни о какой „самостийности“ думать не приходится.

Хмурые расходились казаки. Я подошел к группе Уманцев, разумных, твердых казаков, хохлов. — Что ж нам делать остается, господин генерал, сказал мне один из них. — Не иначе, как пропадать всему казачеству приходится. — Не надо было так возмущаться на старый режим, сказал я. При Государе Императоре не плохо вам жилось. Заботились о вас и ваши права охраняли.

Отворачивались от меня казаки... — Не иначе, как отделиться нам от этой самой России, вот как Украина хочет, слышал я голоса в группах казаков, расходившихся по коням. — Иначе пропадешь. Перережут нас „товарищи“...

Вот как начиналась „самостийность“, говорит Краснов. Он дает свое об'яснение этому началу самостийности, но для нас важен самый факт, в оценке его и в об'яснении мы расходимся с вышеприведенным автором.

Приведенные выше слова простых казаков прямо таки пророческие. В немногих словах — целая программа будущего Казачества. И это было в начале августа, т. е. раньше, чем некоторые представители Казачества, на Московском государственном совещании предлагали другую, прямо противоположную программу и хотели казаками „спасать Россию“, в то время, как эти казаки уже думали об отделении от России, т. е. о самостийности.

Если бы казаки сразу поступили так, как говорили уманцы, мы не были бы в изгнании, Казачьи Земли жили бы самостоятельной жизнью не хуже Эстонии, Латвии, Финляндии и др. на-

родов, которые оказались счастливее нас. И разве не правду говорили казаки, что „перережут нас товарищи?“ — Сколько уже перерезали, порасстреляли, сколько легло казачьих голов на поле брани, сколько сгнило в тюрьмах и сколько их еще сидит там? А тех, кто остался, разве не сделали нищими? Такого грабежа, такого разбоя и татары в свое время не могли бы учинить.

Когда мы пришли заграницу и пробовали говорить европейцам правду о русском большевизме, никто почти нам не верил и не скрывал того, что не верит, т. к. в европейской голове, привыкшей к определенному порядку, совершенно не укладывался московский „рай“. Мы думаем, что нечто подобное делается теперь с некоторыми из нас. Мы видели и почти все мы на себе испытали большевицкие зверства, но и нам, знающим, что такое большевизм, трудно представить себе что так можно разорить, разграбить, ободрать наш Край, как это сделали и продолжают делать московские оккупанты.

А что делаем мы? — Не говоря уже о пустозвонах — спорщиках из „любви к искуству“, вроде „возглавления“ пражского о-ва кубанцев, мы спорим о том, что лучше: „автономия“, „широкое местное самоуправление“ или демократическая, федеративная Российская республика и свободное казачество в ней“, тогда как, пока осуществится эта д. ф. Р. р. и т. д., от Казачества может быть и хвостов не останется.

Мы считаем, что Казачество сделало страшную ошибку, что не взяло программы уманцев, о которой рассказал ген. Краснов, сразу же, как исходную точку своей программы будущего, что причина гибели Казачьих Земель лежит прежде всего в несогласиях среди самих казаков, в том, что в то время, как одни казаки говорили так, как говорили на спасение Казачества казаки 1-й Кубанской дивизии, другие на гибель Казачества заключали в это время блок с российской кадетской партией. За эту последнюю политику Казачество заплатило очень дорого.

Пора казакам думать свою думу, пора создавать свою программу, пора становиться в свои ряды: свой к своему! Надо хоть теперь безоговорочно выходить на свой собственный исторический шлях.

Все, кто казак душой, а не только по названию, кто любит Казачество не только на словах, но и на деле, кто любит свои семьи, родные Края и дорогие станицы, кто хочет поскорее увидеть их освобожденными, кто не хочет бесславно умирать за рубежом Родины в изгнании, тот пусть становится в ряды Вольного Казачества.

Довольно гнета и насилия там — дома, на „нашій, але не своїй тепер землі!“ Довольно медлить и колебаться, качаясь из стороны в сторону здесь, заграницей. Бросьте и там и здесь прислуживаться и прислушиваться, перестаньте следовать за московскими красными, черными или белыми „господами“.

Зная вашу во многих случаях сейчас подначальную и подневольную зависимость от москвичей и там на Родине и здесь заграницей, мы не призываем вас немедленно кричать на площадях и перекрестках, что вы — вольные казаки, — наше дело можно и нужно вначале делать молча. Мы призываем вас всех, братья казаки и неказаки наших Земель, вспомнить сейчас о своих гибнущих Краях, о своих изнывающих семьях и родных там, на широких и когда-то богатых, а теперь ободраных и нищих просторах Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурного Терека, Славных Яика и Астрахани. Не будем закрывать глаза на действительность: гибнет Казачество. Не будем же обманывать себя о причинах и виновниках этой гибели.

Мы призываем и тех, кто перед Кругами и Радой приносили присягу и давали клятву служить и работать на пользу и процветание своих родных Войск и Краев, а не красной, черной или белой Москве, призываем исполнить эту клятву, перед Богом и Конституциями данную. Помните, что в наших далеких станицах ежедневно и ежечасно душат там красные палачи московские наших отцов, братьев, жен и детей!

Помните, казаки, что само собою ничего не делается, что если мы сами ничего не будем делать, то через несколько лет там окончательно удушат казачество.

Но, прежде чем что-нибудь делать, надо самим нам сговориться, надо самим нам стать в одни ряды, под свои знамена. Помните и знайте, казаки, что только в нашем общем единении найдем мы нужную нам несокрушимую силу и что если мы дружно сомкнем свои ряды нога в ногу, стремя в стремя, то тогда только добьемся того, чего желаем и из-за чего так терпеливо переносим горечь изгнания и невыносимый гнет красного московского ига.

Если же и дальше будем пребывать распыленными и неорганизованными, — сильными не будем, а кто сам ничего не стоит, тот ни союзника себе не найдет, ни на помощь чью либо рассчитывать не может.

Вольное Казачество исполнит свой долг и все истинные вольные казаки первыми отдадут свои силы и жизнь делу освобождения своих Земель из под власти всяких большевиков.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Т. Стариков.

Два выстрела.

На Дону в течении последних двухсот лет раздалось два исторических выстрела. Покончили с собой два Атамана: Кондратий Афанасьевич Булавин и Алексей Максимович Каледин. Первый пустил себе пулю в висок, второй — в сердце.

Два выстрела — два рубежа. Первый означал потерю самостоятельности Донской казачьей республики и закрепощение ее Императорской России, второй — стал началом освобождения Дона от этого закрепощения. Второй, Калединский выстрел, возвещал конец тому историческому периоду, который последовал после выстрела Булавинского.

В до-Булавинские времена Дон был независимым государством. Но с 1671 года Москва стала исподволь накладывать свою лапу на казачью республику, пользуясь для достижения своих целей ею же поддерживавшейся „московской партией“ на Дону — тогдашней войсковой старшиной.

До Петра I Москва в этой своей политике была все же осторожна. Но Петр I начал действовать более открыто и решительно. И не только потому, что подчинение Дона значительно расширяло границы Московского государства, но и потому, что слишком уже большой был контраст между внутренним государственным строем Московии и Донской республики: с одной стороны — рабство, с другой — свобода, с одной сатрапия, с другой — казачья волюшка. Петр прекрасно понимал всю „опасность“ для трона московских царей в существовании по соседству с московскими рубежами такого „плохого примера“ для своих „верноподданных“, как вольное казачество. И он начал упорную борьбу с казачьими республиками.

Петр нарушил Донские статьи 1671 г. и окончательно добился лишения Дона права внешних сношений, права об'являть войну и заключать мир, отнял у Дона богатые солью земли по р. Бахмуту, запретил казакам строить на своих землях городки без его „царского указа“ и, наконец, попробовал лишить Дон права убежища, а когда донцы не выполнили последнего требования, царь послал на Дон „для сыску беглых“ тысячный отряд под командою кн. Юрия Долгорукого. Этого прежде никогда не бывало. Петр, что называется, перетянул возжи. Свободное дотоле Казачество не смогло помириться с таким насилием, не смогло подчиниться чуждой и чужой воле.

Донцов захватила мысль о необходимости борьбы, воскресло стремление освободить Дон от опеки и насилий Москвы. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Во главе восставших стал Бахмутский атаман Кондратий Афанасьевич Булавин. Он быстро собрал с'езд на р. Хопре, на котором и было решено восстать. После этого, Булавин бросился на Донец, где в это время Долгорукий „жег, бил и грабил нещадно“.

В ночь на 9 октября 1707 года Булавин напал на Долгорукого и истребил его отряд. Сам Долгорукий был убит.

В воззваниях своих Булавин говорил: „А ведаете вы, атаманы молодцы, как наши отцы и деды на сем поле жили и прежде сего наше старое поле крепко стояло и держалось, а те наши злые супостаты то наше старое поле все перевели и ни во что почли“.

В этих словах ясно выражена вся суть дела. Тут и причины и цель восстания и скорбь по утраченному „старому полю“, которое чужие „злые супостаты все перевели и ни во что почли“.

Солдатам, посланным Петром против Дона, булавинцы говорили: „Идете вы к нам в Донские городки для разорения. За что вам нас разорять? Нам до вас нет дела, ни до бояр, ни до солдат, ни до драгун. Мы стоим за веру христианскую“.

В самом начале борьбы казаки разделились на две части. Меньшая часть — старшина и так называемая московская партия стояла за подчинение Петру и пошла против восставших.

Булавину пришлось вначале все внимание обратить на внутреннюю борьбу. Весь Дон перешел на его сторону только тогда, когда ему удалось разбить атаманские войска. И только тогда он торжественно пошел к столице Дона, почти без боя и сопротивления взял ее и был избран войсковым атаманом.

Петр двинул огромные силы для подавления восстания. Командовал ими кн. Василий Долгорукий, родной брат убитого Юрия Долгорукого. Ему было приказано „ходить по казачьим городкам приставшим к восстанию и жечь оные без остатку, людей рубить, а заводчиков сажать на колеса и колья“.

В трех боях казаки потерпели неудачу. Азов не был взят. Московская партия подняла голову. Под руководством старшины Ильи Зерщикова низовые казаки восстали против Булавина.

Булавин пережил страшную трагедию. Он хотел спасти „старое поле“, хотел избавить Казачество от неограниченной власти Москвы, от ее непрошенного вмешательства в жизнь Дона. Казаки сначала поддержали его, пошли за ним как за своим вождем, а теперь, после неудач, часть из них явилась к его дому, чтобы арестовать его, а потом или казнить или выдать на расправу Петру.

Булавин не вынес этого и пустил себе пулю в висок (7 июля 1708 г.).

Долгорукий занял Черкасск и, учинив жестокую расправу с единомышленниками Булавина, пошел вверх по Дону исполнять царский приказ. Вновь избранного войскового Атамана Илью Зерщикова (сторонника Москвы!) он взял с собой, по дороге арестовал его и отправил в Москву, где он и был казнен.

Выстрел Булавина не пропал даром. Дон снова восстал. Началась упорная, жестокая борьба, сопровождавшаяся казнями, расстрелами, виселицами на плотах и вокруг усмиряемых городков.

Петр слал на Дон все новые и новые силы. Из-за Волги были двинуты 10.000 калмыков. Дон был взят в клещи. Казаки буквально уничтожались. Были бои, после которых ни одного человека не оставалось в живых. Дон был сломлен, началась дикая расправа. От 7 до 10 тысяч человек было казнено в порядке наказаний, около 16 тысяч погибло в боях, 2 тысячи ушло с Некрасовым на Кубань, как эмигранты.

На Дону мало осталось людей. Петр торжествовал, а Дон надолго потерял свою независимость. Круг был уничтожен. Атаман стал назначаться волею Москвы. У Дона было отнято свыше одного миллиона десятин земли. Казаки стали подданными русского царя.

Прошло слишком двести лет. За это время многое изменилось. От прежней свободной жизни почти ничего не осталось. Казаки перестали быть хозяевами своей земли. Из вольных самобытных людей они превращены были в „служилое сословие“.

Великая война привела Россию к катастрофе: рухнул царский трон, исчезла привычная, вкоренившаяся в русское сознание власть.

Русь словно ждала этого. Она запылала в огне пожариш, потонула в людской крови. Началась жестокая борьба классов, партий, сословий. Только казаки остались спокойными. Они без внутренней борьбы, без ненужных споров, как-то стихийно, всенародно вынесли из глубины веков свои старые формы правления и жизни. Воскрес Круг, избран войсковой Атаман. На этот высокий и ответственный пост выдвинут был прославившийся в великую войну генерал Алексей Максимович Каледин. Дон стал перестраиваться к новой жизни, приняв за основание все, что было выработано веками в прошлом и отбрасывая все наносное, навязанное ему политикой российской власти. Все быстро вошло в законное русло, создавался порядок, создавались нужные условия и для жизни и для развития Края.

Россия в это время продолжала „углублять“ революцию. Там шло великое разрушение. Там лилась кровь, шли насилия, грабежи, рушилась самая религия, там готовился позорный конец великой войны. Временное

П-во оказалось бессильным предотвратить катастрофу и не могло остановить разбушевавшуюся стихию.

В середине августа было собрано московское совещание.

Казачество выступило на нем со своей декларацией. Прочитал ее от имени всех двенадцати Казачьих Войск Донской Атаман А. М. Каледин.

Представители Казачества на Московском Совещании выступили со своим рецептом и предложили услуги казачества для спасения России (мы знаем, что прочитанная „декларация“ не так уж единодушно об'единяла около себя и тех представителей Казачества, которые на совещании были и от имени которых она читалась).

Россия не приняла этого предложения, а потом оказалось, что и само Казачество не поддержало в этом отношении своих представителей. Трагедия, для Каледина прежда всего, стала неизбежной. Он, очевидно, прекрасно понимал, что она могла быть еще более острой в том случае, если бы Россия приняла его предложение, так как исполнить его он не мог. События шли уже по другому направлению, чем хотел или представлял их себе Каледин.

Положение Каледина стало еще более тяжелым, когда та Россия, которую он хотел спасать и то правительство, которому он предлагал услуги за себя и за Казачество, через две недели об'явили его изменником и мобилизовали против Дона два военных округа.

Каледин слишком предан был идее служения России и не понял к тому же вот чего: в 1905—6 г. г. казаки „спасали Россию“, но русский народ возненавидел их за это. За 1905 год казаки ни у кого не „заслужили“ „благодарности“: ни у рабочих, ни у крестьян, ни у интеллигенции. А в 1917 году казаков ненавидела разлагавшаяся русская армия. Таким образом, казаков заставляли и вели „служить“ России, а сама Россия службы этой как раз и не хотела. Вожди казачества запоздали с формулировкой, а некоторые из них не имели и совсем ясных задач Казачества в тот ответственный исторический момент. Этим воспользовались большевики и заполнили казачьи части своими агитаторами. А когда пришел большевицкий переворот в России, когда большевики сами начали наступление на Казачьи Земли, даже такой человек, как Каледин, не смог, не в силах был поднять казаков на борьбу с большевиками ради тех целей и задач, из-за которых он хотел воевать с ними.

В свое время Булавин поднял весь Дон, вел жестокую борьбу, был побежден количественным превосходством сил противника и тогда только наступил трагический для него момент, выход из которого он нашел для себя выстрелом себе в висок.

Каледин так и не получил серьезной возможности вести войну с теми с кем бороться считал нужным. И вряд ли было бы правильным и справедливым, как это до сих пор делается, относить вину за это на „болезнь“ казаков фронтовых частей. Казаки не видели еще задач этой борьбы: своей идеологии еще не было, а на своей спине настоящего большевизма казаки в то время еще не испытали.

Во времена Булавинские идеология борьбы вождя и массы была одна и та же. Поэтому Булавин и мог воевать. В наше время эти идеологии были разные. Казачество возвращалось к до-булавинским временам, Каледин хранил верность той России, какой уже в действительности не было.

Началась война. Московские большевики двинули против Дона все силы, какие можно было двинуть, послали латышей, китайцев, — так же точно как и при Петре, когда он двинул на Дон калмыков.

Донской Атаман мог противопоставить этой силе только горсть партизан.

Каледин остался одинок и — пустил себе пулю в сердце.

Выстрел Каледина, как и выстрел Булавина, не пропал даром. Казачество поднялось как один на борьбу с красным большевизмом, но цели борьбы поставило себе иные, чем то мыслил Каледин. „За свой порог и угол“ — вот что подняло казаков и на этот раз, точно так же, как и при Булавине.

Началась ожесточенная борьба. Дон был очищен от завоевателей и об'явлен самостоятельным государством. Если когда то выстрел Булавина закрыл независимое существование Дона, то выстрел Каледина открыл его. Началась новая эпоха в жизни Казачества.

Тогда с намерениями Булавина не мог примириться неограниченный русский монарх, властно покоривший своей воле южные народы, а теперь с независимым Казачеством не могла примириться русская же рабоче-крестьянская власть. Империалистические стремления великороссийского племени потребовали от нее покорения Казачества. Полилась кровь, запылали станицы, хутора, гибли казаки.

Но верхи казачьи снова мечтали о „спасении России“ от коммунистической власти, которую признал великороссийский народ.

В конце концов Дон было сломлен и понес колоссальные потери. Произошло буквально тоже самое что было при Петре. Дон потерял до 50% казаков, много их было расстрелено большевиками при захвате ими Дона, много посажено в тюрьмы, много сослано в Соловки, Архангельск и другие места, много ушло в чужие страны той же дорогой, по которой ушел Некрасов.

Большевики, так же как и Петр, отняли у Дона большие пространства земли.

Казаки снова перестали быть хозяевами у себя дома. Царскую единоличную власть заменила коммунистическая коллективная; пришли завоеватели, на казачьи земли хлынула новая волна великороссийского народа, наступило жестокое иго, жестокая тирания над Казачеством.

Сможет ли Казачество когда нибудь свергнуть это иго? Захочет ли оно, наконец, позаботиться о себе, о своей жизни, или будет по прежнему навязывать свою службу тому, кто в ней не нуждается, кто ее не принимает? Не пора-ли спасать себя?

■■■■■■■■■■■■

К. Горовский.

Почему невозможен большевизм в Европе?*)

Социализм русского типа в Европе совершенно невозможен. Диктатура пролетариата в виде господства советов никогда не осуществится.

Проникновение ленинизма в Европу было только простым отражением русской революции и хаотической дезориентации послевоенного периода: оно падает и будет падать с угасающим огнем собственного очага.

Не будем рассматривать этот вопрос с волевой точки зрения: посмотрим на его грани в зеркале фактов.

Почему не победила большевицкая революция ни-

*) Настоящая статья является выдержкой из недавно опубликованной брошюры известного представителя чешской коммунистической оппозиции — Карла Горовского, автора весьма интересного критического исследования: „Катастрофа ленинизма в Европе (1927) и не менее интересного, очень злободневного очерка: — „Настоящее положение К. П. Ч. Диктатура аппаратчиков или демократия рабочих? (1927), открывающего закулисный произвол и гниль внутри Чехословацкой коммунистической партии.

Брошюра, из которой нами заимствуется эта статья, называется знаменательно: — „Почему я не большевик?“ Это — „исповедь европейского коммуниста“, — как явствует из ее подзаголовка, социологическим методом вскрывающая суть москов-

где в Европе, несмотря на полный разгром капиталистов в разных государствах?

Почему потерпели поражение советы даже в аграрных, — стало быть, и относительно благоприятных странах, — как Польша, Прибалтика, Венгрия, Бавария?

Почему в промышленных странах идея советов совсем спасовала перед силою заводских комитетов и других промышленных факторов?..

Почему ленинизм завладел душами пролетарских слоев, как раз наименее сознательных: но даже и от них он отклоняется с того момента, когда они набывают организационно-политического опыта?...

Спокойно ответить на эти вопросы, это значит похоронить большевицкую доктрину.

Ленинизм не победил в Европе, во-первых потому, что культурный уровень наших рабочих не приемлет нажима „сверху". Десятилетия, даже почти целое столетие классовой борьбы, приобретенный опыт в политических, профессиональных, кооперативных, гимнастических организациях, участие в работе по самоуправлению, участие в избирательной борьбе, сходка, газета, книга, биограф, радио, – одним словом, полный комплект возможностей, которые несет и дает буржуазная демократия Европы — создали из рабочего человека разбирающегося, подвижного, знающего человека, который сам хочет быть насителем своего социализма, а отнюдь не манекеном, приводимым в движение повелителем.

История десятков лет создала демократическую традицию, атмосфера какой незаметно проникает в души миллионов и мы только тогда осознаем ее присутствие, когда наши усилия наталкиваются на грани противоположной воли. Как в России нельзя декретом отменить наследие царского прошлого, так и в Европе не удастся в земле, вспаханной демократическим воспитанием, возрастить плоды деспотического приказа.

Вторым источником большевицкой трагедии является классовое расслоение нашего общества. Здесь отсутствуют социальные факторы, которые создали триумф ленинизма на Востоке. Русское крестьянство едва освободившись от личины феодального варварства, толкаемое к тому же жизненным стремлением захватить помещичьи имения, овладело ими, благодаря лидерству пролетариата и отразило атаки генералов, хотевших отнять землю. Русские рабочие нашли крестьянского союзника, которого не достает европейским рабочим.

У наших крестьян иные интересы, чем помещицкие поля: пошлины, ссуды, дешевые рабочие силы..., словом желания, отделяющие их от рабочих масс и их им противоставляющие. Никогда нельзя путем насилия подчинить на долго класс, который представляет жизненно нужную социальную функцию, количественно все возрастающую.

Теория Маркса относительно концентрации средств производства не оправдалась на практике земледелия: был прав Бернштейн и недостойно отрицать это. Маркс, убежденный в том, что Англия своим хозяйственным движением является пионером путей человечества, спроектировал ее специфическое состояние на мировой исторический процесс и, таким образом, стал жертвою иллюзии, как это случалось и с другими исследователями (Л. Юнг; А. Таер.).

Поскольку паровая машина была рациональным двигателем в прошлом, постольку мотор Дизеля, электричество, искусственное удобрение и кооперативы создали предпосылки для большего производства даже в границах малопроизводственной единицы; создали материальную базу для современного сельского хозяйства, количественный рост какого господствующий капитализм систематически увеличивает для лучшей поддержки своего могущества.

Аграрные реформы, ускоренные войною, не исключительное явление, но результат экономической и классовой борьбы технических сил, вызванных империализмом.

И совсем не случайно с конца XIX ст. можно проследить элементы аграрного возрождения: большое напряжение классовой борьбы заставляет буржуазию искать союзников.

Колонизационные и рентовые имения в Германии, наследственные и другие мероприятия в Австрии, помощь земледельцам в Англии, защита фермеров в разных штатах северо-американской унии и некоторых департаментах Канады — это только эмбрионы будущего течения, параллельного все возрастающему росту пролетарского могущества.

Массовый раздел земли в целом ряде европейских государств, аграрная программа либеральной и рабочей партии (в Англии. — перев.), сельско-хозяйственные течения в Америке — являются устоями, на которых крепнет армия земледельческих друзей капитала. Но не только количественный рост и производительное значение крестьянства, также его культурный уровень исключает механическое преодоление села.

Русский мужик туп и неграмотен, без опыта и воли к государству; но таков ли европейский крестьянин? Никогда молча он не потерпит политического бесправия. Его организации, пресса, школы, самоуправление, техника сообщения, связующая село с городом, его знания, чувства, иллюзии... делают из него уверенного в себе человека имеющего свои собственные цели и собственные средства к борьбе за них.

Европейский пролетарий может господствовать только с крестьянами и никогда против них. Социализм в европейском селе может вырасти исключительно из опыта сельско-хозяйственной жизни и отнюдь не по приказу рабочей воли. Поэтому если кто-либо проповедует, что крестьян можно силою поставить на путь коммунизма, тот или достойный смеха фантаст или нечестный демагог.

Подобно тому, как земледельцы, так и остальные слои мелкой буржуазии в Европе несравненно более многочисленны и более незаменимо включены в механизм общественного производства.

Россия в значительной мере была колонией европейских финансистов: им принадлежали заводы, электрические станции, шахты; они были собственниками облигаций; русское государство было их должником; они, — с процентов, рент, тантьем вложенного там капитала оплачивали своих — французских, бельгийских, немецких, швейцарских, английских — инженеров, врачей, юристов, писателей, актеров... любовниц. Согласно исчислениям В. С. Сева иностранный капитал в России в 1914 г. оффициально равнялся 4½ миллиардам рублей; во время войны эта сумма очень увеличилась...*)

Результатами русского труда пользовались не только европейская буржуазия и интеллигенция; в самой царской империи работали иностранные техники, агрономы, учителя.

„Значительный процент технического персонала больших заводов состоял из иностранцев или русских, служащих в иностранных финансовых синдикатах" — говорит М. Н. Прайс. — „Не было собственной более или менее значительной мелкой буржуазии или „пролетарита с накрахмаленными воротничками", как в капиталистических государствах Запада."

Русская интеллигенция?

Ее незначительное количество не находило поддержки; благодаря отсутствию буржуазной демократии и под давлением царизма она была брошена на револю-

---

ского большевизма, как специфического порождения историко-политического развития России, или, более правильно было бы сказать, даже Великороссии — и поэтому совсем непригодного для Европы, с ее отменным, своеобразным прошлым, прежде всего в культурном и экономически социальном отношении.

С интересным содержанием самой брошюры мы познакомим своих читателей в одном из ближайших номеров — „В. К." Пока ограничиваемся переводом из нее настоящего очерка, в котором автор подводит итоги своей критики русского большевизма, доказывая полную его непригодность среди культурных народов с современными формами экономическо-промышленного развития.

*) Мы пропускаем здесь несколько абзацев, фактически иллюстрирующих это положение о влиянии иностранного капитала, ибо они общеизвестны.

ционную колесницу; целыми поколениями жила под влиянием социализма. Кроме Италии, нигде марксизм не был так распространен, как в России. Здесь социализм стал идейною традициею. А паралельно с представителями умственного труда, тоже и остальная мелкая буржуазия является незначительною гирею на чашках социальных весов.

Большую часть производства создают крестьяне на отдельных хуторах; они же используют значительную часть того, что произвели. По исчислениям В. Покровского в конце XIX ст. только 50% сельско-хозяйственного производства попадало на рынок; а по данным С. Н. Прокоповича этот процент в 1913 г. поднялся до 67,8%, составляя в среднем русского производства вообще — 63,5%.

Когда производство товаров мало распространено, тогда и группа лиц, занятых в конкуренции и изготовлении его средств, — количественно не может быть большой.

А как в Европе на этот счет?

Полная противоположность России. Необходимость сложной жизни создала широкие ряды умственных работников, настоящую рационализацию, заменяющую традиционный эмпиризм теоретическою целесообразностью; абсолютно все области производства здесь находятся под руководством техников, химиков, мастеров; классовая борьба создает армию социальных деятелей. И дальше: в Европе только покупается и продается; поэтому и масса людей, включенных в оборот торговли и борьбу за купца, значительно превышает русскую средне-пропорциональную в этом отношении...*)

Разве можно общественный слой подобных качеств политически сломать, если даже карлик русской интеллигенции не без успеха отражал натиск большевизма?

Кто думает, что можно лишить прав мелкое мещанство, тот не понимает исторического процесса последней половины прошлого столетия.

Третья причина, почему деспотический социализм невозможно применить в Европе — это — международная государственная связь и взаимозависимость.

Какая бы то ни была попытка в смысле командования со стороны промышленного пролетариата — вызовет страстный отбой не только капиталистов (который можно-бы было сломить), но и мещанства: эта борьба дезорганизовала-бы производительный, коммуникационный обменный аппарат; сделала бы невозможным снабжение городов и фабричных районов; таким образом миллионы людей были бы загнаны в об'ятия контр-революции.

Широкое бесконечное пространство России — дает возможность отступления: но что произойдет в естественном муравейнике Европы?

Хорти и Чемберлен используют эти внутренния столкновения; в крови и терроре революция была-бы подавлена прежде чем смогла бы поднять свое страдальческое лицо.

Русское хозяйство в области земледелия обеспечивает себя; города всегда можно отстоять тут перед щупальцами голода; огромные пространства от арктических снегов к сияющим лучам крымского неба хранят в себе железо, уголь, марган., хлопок, чай... все, в чем нуждается жизнь.

А у нас?

Разве не достаточно будет простой блокады, чтобы перестали дымить заводские трубы и остановились машины? Революция, окруженная деспотическими стенами задохнется в собственных тисках.

В четвертых, большевицкий метод захвата власти энергическим меньшинством заговорщиков, является типическим продуктом аграрной среды, двигающейся на пределе феодального периода и буржуазной эры. Массы крестьянского народа пассивно прозябают в классовой бездеятельности; села и города не связаны организационною сеткою; вся политическая жизнь сосредоточена в дворцах столичного города: в Париже — старого режима, в Петрограде, в Москве — в России.

Если революционному меньшинству удастся при стечении необыкновенных обстоятельств парализовать нервную систему бюрократии и армии, или же заполучить их для себя, тогда будет решена судьба целой страны.

Совсем иначе обстоит дело в промышленной среде! Тут огромные массы принимают участие в политической жизни; железные дороги, автомобили, телефон, радио делают возможным передвижение могущественных армий; общественная жизнь распылена по всей широкой площади государства.

Не горсть заговорщиков захватывает правительственные учреждения в столице — решает об исходе борьбы, но население всей страны, сосредоточенное в своих организациях и проникнутое политическою волею — является носителем революционных стремлений. Стало быть, не сознающее свои цели меньшинство действует вместо народа, но народные массы сами своей подвижностью кладут отпечаток на лицо судьбы.

Пятым доказательством бѣзнадежности большевицких покушений на Европу является то обстоятельство, что совет не представляет формы правления побѣдившего пролетариата.

Только там, где нет другой организационной связи, сводится дезорганизованный аппарат к ячейке территориальной волости; этот факт сопутствует все революционные усилия русского типа.

Во время великой французской революции, после развала государственной машины, оказалась власть в руках единственной силы, которая осталась, т. е. —общин. Закон национального собрания от 22 XII 1789 закрепил это фактическое положение вещей, признавши за коммунами наиболее широкую автономию, всю общественную полицию, командование гражданскою гвардиею и т. д.

Во время революции 1871 г. таже программа, которая под давлением обстоятельств победила централистических якобинцев и федералистических прудонистов. Это был план перестройки Франции в систему автономных коммун, поддерживаемых милициею и где правительственная бюрократия была бы сведена до минимума.

Революционные теоретики этой эпохи, поскольку ясно продумали проблему государственной новой постройки, не далеки от большевицкой практики. П. Прудон и М. Бакунин представляют себе революционное государство в виде вольной федерации коммун.

У возникающего социального строя нет возможности закрепиться иначе чем запустивши корни в то, что непосредственно, близко, реально, что осталось после исчезновения всего, т.е. коммуна, совет.

А в Европе?

Тут господствуют иные и могущественные сообщества, кроме коммунальных форм: заводские коммитеты, профессиональные союзы, кооперативы, разные экономические и политические об'единения; они то и являются носителями воли, создающей родники завтрашнего дня.

Во время революционных годов мы видели, как классовые организации рабочих, разбросанные по всему государству, были двигающим и направляющим механиэмом событий; в то же время коммунальные об'единения терялись в полутьме общего фона событий.

И социалистическое государство найдет свой костяк именно в этих формах: будет сочетание парламентской системы с экономическими союзами трудового народа.

В Европе поэтому попытки создать советский режим должны разбиться на запруде социальной невозможности. Практика целого десятилетия доказала правильность этого заключения...

*) Мы здесь пропускаем статистическую иллюстрацию, доказывающую правильность последнего положения автора, ибо этот цифровый материал достаточно известный и не подлежит сомнению.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

VIII.

Донское Войско накануне большевицкой войны и восстановления своей государственной самостоятельности было в следующем состоянии.

Территория Войска по данным генерального межевания составляла 14,966.770 дес., в т. ч. удобной земли 13.405.952 (по исчислению областной чертежной — общая площадь Земли Войска Донского равна 15.017.706 десятин), которые в отношении юридических форм владения распределены следующим образом:

Землевладение казачье	дес. всей земли	удобной.
Юртовые земли	9.580.157·3	8.412.765·7
Войсковые	2.029.909·4	1.894.664·8
Крестьян. поземльн. соб.		
Надельной	608.232·3	552.146·3
Купчей	992.462·6	932.719·5
Частная собственность		
Мелкой до 100 дес.	202.071·2	192.466·1
Средней 100—400 дес.	611.237·3	575.146·7
Крупной > 400 дес.	638.548·6	594.908·0
Остальной земли (Церковн., учреждений, немецк. колоний)	304.151·5	251.135·3

Сельское население Войсковой территории:

	число хозяйств.	душ обоего пола
Казаков	220.982	1.373.443
Крестьян	135.434	950.236
Посторонних	81.203	314.482
Всего	437.619	2.637.847

Общее количество населения Земли Войска Донского к 1 января 1915 г. было 4.013.400 душ обоего пола.

1 июня 1919 года Войсковым Кругом был принят Земельный Закон, опубликованный в виде приложения к „Донским Ведомостям“ от 28 июня 1919 года.

Согласно этого закона юртовые и хуторские земельные довольствия и войсковые запасные земли составляют неот'емлемую собственность Донской казачьей общины. Право распоряжения этими землями принадлежит Войсковому Кругу, который устанавливает, изменяет и отменяет основания и порядок предоставления земель в пользование или владение станичным и хуторским обществам, товариществам казаков и отдельным казакам.

Надельные земли сельских обществ Донских коренных крестьян, а равно и земли, приобретенные сельскими обществами при содействии Крестьянского Позем. Банка, составляют неот'емлемую собственность этих обществ, являющихся распорядителями этих земель.

Законом разрешен вопрос об отчуждении крупной и средней земельной собственности в особый земельный фонд Войска и о наделении из этого фонда малоземельных и безземельных донских казаков и крестьян.

Все земли сельско - хозяйственного пользования, принадлежащие их владельцам на праве собственности, подлежат принудительному отчуждению в Особый Земельный Фонд Войска Донского с 1 сентября 1919 года. Отчуждению не подлежат — отруба и хутора, образованные по закону 14 июля 1910 года и 29 мая 1911 г., земли, приобретенные товариществами при содействии Крестьянск. Позем. Банка; частновладельческие земли, принадлежащие одному лицу в количестве, не превышающем нормы, установленной законом для данного района; земли принадлежащие городам, посадам, местечкам; усадьбы с надворными постройками, сады, дачи и земли промышленного назначения (мельницы, фабрики, заводы).

Обмежевание земель, подлежащих отчуждению, закон предписывает произвести окружным по земельным делам присутствиям.

Отчуждение земель согласно закона может быть безвозмездное и за вознаграждение.

Безвозмездному отчуждению подлежат:

а) Земли, вымежеванные первоначально из общего войскового достояния и путем безвозмездных передач доставшиеся настоящим их владельцам.

б) Монастырские земли.

в) Земли церковные, вымежеванные из войсковых запасных, станичных юртов, или общинных наделов, а также завещанные и подаренные церквам.

г) Земли благотворительных, учебных и культурно-просветительных учреждений и организаций.

Земли, доставшиеся их владельцам или их правопредшественникам по купчим крепостям, или документам публичных торгов, отчуждаются в особый земельный фонд с возмещением их владельцам покупной цены (со включением пошлин и за вычетом залоговых обязательств).

Из этих правил отчуждения частно-владельческих земель установлено исключение в отношении частновладельческих земель в округах, входивших ранее в состав Екатерин. губ. (Таганр. и Ростов окр.), где земля отчуждается за плату, представляющую 5%-ную капитализацию средней чистой годовой доходности за г.г. 1910—1914.

Коренные улучшения, произведенные на землях, подлежащих безвозмездному и возмездному отчуждению, подлежат оплате по справедливой оценке. Постройки на отчужденных землях подлежат оплате по соглашению; в случае недостижения соглашения владельцы обязаны снести их до 1 апреля 1920 года.

Залоговые обязательства, тяготеющие на отчуждаемой земле, переносятся на казну Войска к 1 сентября 1919 года пропорциональною частью.

Уплата за отчуждаемые земли производится наличными деньгами не свыше 10.000 р., долговыми обязательствами, или тем и другим вместе.

Именным обязательствам присвоен доход в размере 8% годовых, освобожденный от обложений сборов с доходов и денежных капиталов.

Отчужденные земли назначены для дополнительного наделения землей малоземельных и безземельных донских казаков и донских крестьян; при чем в этом случае право собственности на эти земли остается за Войском, а лицам, получившим землю, предоставляется лишь право пользования и владения без права отчуждения и залога.

Отдельным лицам, по их желанию, земля может быть наделена в виде хуторского или отрубного участка, который дается Войском для ведения собственного хозяйства, при чем пользование этим участком установлено потомственное.

При возвращении участка Войску по каким-либо причинам лица казачьего звания зачисляются на паевое довольствие. Выдел сыновей, или иных нисходящих владельца хуторского или отрубного участка, совершается по добровольному соглашению.

Осуществление закона возложено на Окружные и Войсковые по земельным делам присутствия.

В феврале месяце 1920 года государственные органы Донской Республики (Войсковой Круг, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство) и часть ее граждан покинули пределы Земли Войска Донского, и с того времени там воцарилась власть российской коммунистической партии, сперва под названием власти РСФСР, а потом с 1922 г. 30 дек. и власти СССР.

Земля Войска Донского с первых же дней власти российской коммунистической партии подверглась коренным административным изменениям, которые в процессе своего развития пережили три этапа. Первый этап 1917—1919 гг., когда дробление волостей, образование новых уездов и губерний носило характер стихийный, неупорядоченный. В это время декретом совнаркома от 27 янв. 1918 года был установлен порядок изменения границ губернских, уездных и пр. (Сборник Узакон. 1918 № 21 ст. 218), а постановл. Н. К. В. Д. 29 марта 1919 образована Царицынская губерния. Второй этап занимает период времени с 1919 по 1922 и характеризуется „стабилизацией" в области административных реформ и изучением вопроса о новом административном делении в связи с разделением всей территории С.С.С.Р. на определенные экономические районы. Декретом Совнаркома от 15 июля 1919 года предоставлено Н. К. В. Д. право административного изменения и одновременно установлена норма населения волости в 10.000 жителей. В феврале 1920 года образована административная комиссия при президиуме В. Ц. И. К'а, которой было поручено разработать принципы районирования.

Третий этап относится к 1922-1925 гг. и известен как период „укрупнения" волостей, образование районных волостей (районов) и организация крупных экономических волостей с 3-х членным делением — округ, район, сельсовет., вместо прежнего 4-х-членного — губерния, уезд, волость, сельское общество. Административная комиссия В. Ц. И. К'а рассматривает административные проэкты, присылаемые с места, и передает их на утверждение В. Ц. И. К.

В территории Войска Донского были произведены следующие изменения:

1. Постан. Н. К. В. Д. 29 марта 1919 года образована Царицынская губ., в которую из бывшей Обл. Войска Донского вошли округа — У-Медведицкий, 2 Донской, часть Сальского (по временной границе — начиная от территории Ставропольской губернии по р. Хоровой до ее истока, далее до истока р. Куберле по р. Второй Куберле и Б. Куберле до впадения последней в р. Сал; затем по р. Салу до хутора Протопопова), часть 1-го Донского округа (по временной границе начиная от хут. Протопопова на север до места слияния р.р. Дона и Цымлы, оттуда по р. Цымле до границы 2-го Донского округа); кроме того к Царицынской губ. временно отнесен и весь Хоперский округ.

Постанов. В. Ц. И. К. 4 апр. 1921 года из Донской области перечислены в Царицынскую губернию: а) из Хоперского округа станицы: Акишевская, Алексеевская, Анненская, Арженовская, Бурацкая, Добринская, Дурновская, Зотовская, Котовская, Кумылженская, Луковская, Михайловская, Павловская, Петровская, Провоторовская, Преображенская, Тепикинская, Тишанская, Урюпинская, Усть-Бузулуцкая, Филоновская, Ярыженская; волости: Александровская, Краснопольская, Купавская, Магушанская, Николаевская, Семеновская, Солоновская, Тростянская, Успенская, Ленинская и Войсковой участок; б) из Усть-Медведицкого округа станицы: Арчадинская, Березовская, Глазуновская, Етеревская, Клетская, Кременская, Кепинская, Малодельская, Ново - Александровская, Островская, Перекопская, Распопинская, Раздорская на Медведице, Сергиевская, Скуришенская, Усть-Медведицкая; волости: Арчадинско - Чернышевская, Гуляевская, Даниловская, Ефремовская, Михайловская, Ореховская, Сидоровская, Секачевская, Самсоновская и Войсковой участок; в) из 2-го Донского округа, станицы: Верхне-Курмоярская, Верхне-Чирская, Голубинская, Есауловская, Иловлинская, Качалинская, Кобылянская, Ногавская, Нижне-Чирская, Ново-Григорьевская, Потемкинская, Пятиизбянская, Сиротинская, Старо-Григорьевская, Трех-Островянская; волости: Добринская, Громославская, Ново-Петровская, Мариновская, Бузеновская, Карповская, Котлубанская и Войсковой участок.

Постановлением В. Ц. И. К. 10 апр. 1925 года Царицынская губерния переименована в Сталинградскую, а город Царицын — в город Сталинград.

Хутора Кременской и Саушанский Перекопской вол. У-Медведицк. окр. Сталинградск. губ., на основ. пост. В. Ц. И. К. 1925 г., перечислены в Кременскую волость того же округа и губернии.

Постановлением В. Ц. И. К'а от 24 августа 1925 г. станицы Урюпинская и Нижне-Чирская зачислены сельскими поселениями, а хутор Угольской Алексеевской станицы, Хоперского окр. перечислен в Усть-Бузулуцкую станицу того же округа.

На основ. постановл. В. Ц. И. К'а от 4 окт. 1926 г. произведены следующие изменения:

I. Во внешних границах Сталинградской губернии: Хутор Петровский из Распопинской станицы У.-Медведицк. окр. Сталинградской губ передан в Обливский район Шахтинско-Донецкого окр. Северо-Кавказского края; хутора Киселев, Лагутин и Ново-Васильевский Обливского района Шахтинско-Донецк. окр. Северо-Кавк. края перечислены в станицу Суровикинскую 2-го Донского окр. Сталинградской губернии; 2. В пределах Сталинградской губернии: в Усть-Медведицком округе перечислены — хутор Ново-Ольховский из Арчадинско-Чернушинской вол. в станицу Малодельскую; х. Верховский из стан. Перекопской в ст. Кременскую; х. Медведев из вол. Даниловской в ст. Островскую; хутора: Черемухов, Мироничев, Рахинский из Арчадинской станицы в Михайловскую волость; х. Мишин из Етеревской в стан. Секачевскую, х. Суходольский из Кумылженской в ст. Глазуновскую; во 2-м Донском окр. перечислены: х. Черноморов из Ляпичевской станицы в Н-Чирскую; х. Суханов из Пятиизбянской ст. в Голубинскую; в Хоперском окр. перечислен х. Горский из Добринской станицы в Урюпинскую.

Выписка из административного деления Сталинградской губернии на 1-е января 1927 года: 2-й Донской округ, 11 волостей, центр с. Нижне-Чирское; Усть-Медведицкий окр., 20 вол., центр с. Михайловка; Хоперский окр., 17 вол., центр стан. Урюпинская.

II. По постановлению С. Н. К. 23 марта 1920 года и В. Ц. И. К'а от 26 апреля 1920 года образована Донецкая губерния с центром в гор Луганске, в состав которой из бывшей Обл. Войска Донского вошли Таганрогский окр., из Донецкого округа станицы: Гундоровская, Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская и вол. Карпово-Обрывская; из Черкасского округа: ст. Владимирская, Александровская и далее на запад условная линия: ст. Казачьи Лагери — Мало-Несветайская — Нижне-Кременская и далее до границы с Таганр. окр.

Центром Донецкой губернии, по постан. С. Н. К. от 12 окт. 1920 года, назначен г. Луганск; а постановлением ВЦИК'а от 25 ноября 1920 г. центр губернии перенесен в город Бахмут.

В 1922—1923 гг. Таганрогский и Шахтинский округа входят в состав Донецкой губернии; при чем Таг. окр. имел 9 районов, а Шахтинский 11 (ВЦИК 7 марта 1923 года — постановл. о новом административном делении Донецкой губернии).

III. Постановлением ВЦИК'а и СНК от 25 ноября 1920 г. образована Калмыцкая автономная область, в состав которой вошла часть Сальского окр. Земли Войска Донского, расположенная между губернскими границами Ставропольской и Астраханской губерний и параллельно 46°30' северной широты.

Остальная часть вошла в состав бывшей Донской области, которая на 1 янв. 1922 г. имела следущее административное деление: Верхне Донской окр. 14 волостей; 1 Донской — 31 вол.; Донецкий — 43; Ростовский — 40; Сальский — 23; Черкасский — 21, всего 172 волости.

Постановлением ВЦИК'а от 7 марта 1923 г. утверждено новое административное деление б. Донской области, по которому произведено слияние Верхне-Донского окр. с Донецким с новым центром в г. Миллерове. Центр Ростовского окр. перенесен в г. Азов — пост. ВЦИК'а 27 апр. 1923 г.

Административное деление б. Донской Области на 1-е Января 1924 г. было следующее: Донецкий округ — 15 волостей; Донской — 7; Морозовский — 5; Ростовский 9; Сальский 9, Черкасский — 8, — всего 53 вол.

В 1924 году, после произведенного районирования Юго-Восточной части б. европейской России, образован Юго-Восточный Край, в состав которого вошли:

б. Донская область, Кубанская, Терская, Ставропольская губерния, г. Грозный и автономные области — Кабардино-Балкарская, Карачеево-Черкесская, Адыгейская (Черкесская) и Чеченская (постан. ВЦИК. 2 июня 1924 года). Центром края назначен г. Ростов на Дону.

Постановлением ВЦИК от 17 окт. 1924 (II сессия) Юго-Восточный край переименован в Северо-Кавказский край; административное деление края, в отношении Донской области, на 1-е июня 1925 года было: Донской округ — 12 районов; Сальский — 9; Донецкий — 8; Таганрогский 6; Шахтинский — 9. (Прим. Морозовский окр. упразднен и присоединен к Шахтинскому с разделением последнего на 9 районов — пост. ВЦИК 16 июня 1925 г.; Ремонтинский уезд Калмыцкой автономной области включен в Сальский округ Северо-Кавказского края — пост. ВЦИК 25 мая 1925 г.).

Постановлением ВЦИК'а от 16 июня 1925 года Нижне-Кундрюческий район полностью, правобережная часть (по отношению к р. Дону) Семикаракорского района, сельские советы Константиновский, Богоявленский, Белянский, Марьинский и Николаевский Константиновского района и Мелиховский сельский совет Новочеркасского района Донского округа включены в состав Шахтинского округа; а последний разделен на следующие районы: Морозовский — центр станица Морозовская; Маньково - Березовский — центр с. Маньково-Березовская; Обливский — центр станица Обливская; Тацинский — центр село Тацино; Каменский — центр станица Каменская; Красно-Сулиновский — центр станица Красно - Сулиновская; Шахтинский — центр город Шахты; Константиновский — центр станица Константиновская. Центром Шахтинского округа установлен город Шахты.

В октябре месяце 1925 г. Шахтинский округ переименован в Шахтинско-Донецкий (пост. ВЦИК'а 5 окт. 1925 г.).

Станица Великокняжеская Сальского округа Северо-Кавказского края переименована в станицу Пролетарскую (пост. ВЦИК'а 17 авг. 1925 года).

1 марта 1926 года постановлением ВЦИК'а произведены следующие изменения в административном делении б. Сальского округа: 1) упразднены Орловский и Атаманский районы; 2) территория Сальск. окр. разделена на 10 районов — Пролетарский — центр станица Пролетарская. Западно-Коннозаводческий — центр станция Целина, Белоглинский — центр село Белая Глина, Романовский — центр стан. Романовская, Дубовской — центр стан. Дубовская, Цымлянский — центр станица Цымлянская, Зимовниковский — центр стан. Зимовники, Ремонтинский — центр село Ремонтное, Заветинский — центр село Заветное. Станицы Ново-Ивановская и Плоская Белоглинского района Сальского округа перечислены в Ново-Покровский район Кубанского округа.

В Донецком округе селения Черноусовское и Новоспасское перечислены из Тарасовского района: первое — в Криворожский район, а второе — в Мальчевско-Польненский район.

Постановлением ВЦИК'а 2 августа 1926 года утверждены следующие изменения в административном делении Таганрогского окр. Северо-Кавказского края, произведенные Северо-Кавказским краевым исполнительным комитетом:

Упразднен Екатериненский район с разделением его территории между Федоровским и Матвеево-Курганским районами.

Сельские советы — Милость-Каракинский, Больше-Неклинский и Покровский переданы: первый — из Советинского района в Матвеево-Курганский, а последние два — из Матвеево-Курганского района в Николаевский.

Центры Советинского и Николаевского районов перенесены: первый — в слободу Б. Крепкую, а второй — в г. Таганрог. Таганрогский округ разделен на следующие районы:

Николаевский — центр в г. Таганроге, Советинский — центр слобода Большая Крепкая, Матвеево-Курганский центр слоб. Матвеев-Курган, Федоровский центр слоб. Федоровка, Голодаевский центр слобода Голодаевка.

По данным ЦСУ на 1-е января 1925 года часть Земли Войска Донского, входящая в состав Северо-Кавказского края, занимает следующую площадь по округам с городским и сельским населением в них:

Название округов	Площадь в кв. км.	Город. насел.	Сельское насел.	Всего насел.
Донецкий	17.800	8.300	358.100	366.400
Морозовский	10.000	10.300	150.400	160.700
Ростовский	30.400	362.700	699.600	1.062.300
Сальский	28.300	30.500	319.100	349.600
Таганрогский	5.000	69.500	182.400	251.900
Шахтинский	4.800	54.200	170.500	224.700
Всего	96.300	535.500	1.880.100	2.415.600

Д-р С. Федоров.

Литературные произведения Я. Г. Кухаренко.

Яков Герасимович Кухаренко (1799-1862), последний из казаков Наказный Атаман Войска Черноморского (1852-1856), был и недюжинным писателем.

I. Главным его произведением является „Чорноморський побит" (на Кубані миж 1794 и 1796 р. р.) Драма в 3-х діях.

Фабула этой пьесы весьма не сложна — взята из жизни казаков; пьеса наполнена песнями, как и вообще каждая бытовая пьеса из украинской жизни.

В свое время „Чорноморский побит" имел большой успех. М. М. Старицкий переделал „драму" Кухаренко на либретто для оперы „Чорноморці", музыку для которой написал М. Лысенко.

Вокруг любви молодой дивчины Маруси к бравому молодцу Ивану развивается весь ход пьесы: Маруся имеет мать Явдоху, упрямую вдову, мечтающую создать для дочки счастье в замужестве со старым летами, но богатым женихом, который сидел бы с женою дома, а не мотался постоянно по кордонам и в походах, как это было обычным для молодежи в Войске того времени. Такой жених у нее есть на примете — запорожский забулдыга, вечно пьяный „парубок" Кабыця, уже выслужившийся казак, который тоже не прочь бы обзавестись молодой супругой; собственно говоря эта мысль ему не пришла бы в голову, если бы не нашептывания приятельницы матери Маруси — Цвиркунихи. У Кабици есть грех на душе — сведенная им на Самаре (Запорожской) Килина, уже готовая с горя топиться в Кубани; однако он и не думает на ней жениться.

Иван, только что приехавший с кордона казак, узнает о планах Явдохи, но снова должен выступить в поход за Кубань. Молодые в горе, но их обнадеживает крестный отец Ивана — сотник Тупиця.

В это время мать уже поджидает жениха и категорически об'являет свою волю дочке, отказывающейся наотрез выйти замуж за пьяницу.

Жених вечером, „поцеловавши запор" у дома невесты, на другой день чуть свет является, после ночной гулянки, и снова делает предложение Марусе. Она отказывает, но, несмотря на это, мать зовет сватов, супругов Цвиркунов, и расписывается могарыч. Судьба Маруси решена; Кабиця отправляется за попом, чтобы закончить дело.

На счастье невесты, в отсутствии жениха, появляются крестный отец Ивана, сотник Тупиця, знающий все проделки Кабиці, и сведенная им Килина; им удается убедить Явдоху, что Маруся не найдет счастья с таким мужем забулдыгою.

У присутствующих созревает план надуть Кабицю, подсунувши ему под венцем Килину вместо Маруси.

Вскоре возвращается распевающий песни, с бутылкой в руке, еще более пьяный жених, который неожиданно встретил в попе своего товарища казака, недавно посвященного в духовный сан. Явдоха рассказывает жениху выдуманную историю Маруси и говорит ему, что ее настоящее имя — Килина; Кабиці это имя не нравится, но делать нечего.

Выпивка продолжается, а в это время Маруся в соседней комнате одевает к свадьбе в свое платье Килину. „Молодых“ моментально перевязывают рушниками и ведут венчаться. Пьяный Кабиця не замечает замены.

Пока идет венчание, сотник сватает Ивану его „дивчину“, сообщая матери, что Иван получит в наследство все его имущество.

После венца Кабиця засыпает, сотник отбирает у жениха деньги и посылает брата Ивана принести Кабицины саквы „мизерянки“ с остальными деньгами, и все это отдает Килине, поучая ее как, обладая деньгами, держать в руках мужа и не показывать вида, что его капиталы перешли к ней.

На фоне этой незатейливой истории Я. Г. Кухаренко дает нам неподражаемые типы черноморцев — детей старого Запорожья.

„Жених“ Кабиця — типичный запорожский казак, с песней, гульками, с танцами, — водящий за собою „музик“ по улице; „а колись из мене козак був меткий та и завзятий на досвідках та на вечорницях“, аттестует он сам себя; к склону лет— заботящийся о копейке и хозяйстве, „скупий“, как аттестуют чумаки черноморцев.

Нормальное в то время сожительство с Килиной он хочет заменить церковным браком с „настоящей“ хозяйкой, но склонность к вину подводит его, — к венцу он ведет свою прежнюю нелюбимую сожительницу.

А вот другой чрезвычайно характерный тип тогдашнего времени — казачий поп: „стоило только чтобы войсковая старшина представила владыке какого-нибудь грамотного казака и тот посвящал его в попы, что было очень легко сделать, потому что в то время „письменные“ все учились по церковному, а, избираючи казака попом, войсковая старшина полагала, что если „кандидат“ был „яке небудь ледащо“ или гуляка, то перестанет быть таким, из уважения к своему духовному сану, что нередко и случалось.

По этим соображениям „начальство“ отправляло к архиерею таких кандидатов с буйным нравом или леностью, с которыми оно само ничего не могло поделать, и действительно „история не знает случаев“, говорит исследователь казачьей старины, „чтобы казак посвященный в попы, фактически в наказание, не опамятовался и был хорошим пастырем“. Таков и наш черноморский поп: Кабиця поседлал коня, чтобы ехать к священнику в город, а люди говорят ему, что в Видну приехал новый; он и завернул туда. „Коли дивлюсь, аж Яцко Переберий Кисляківський, попом — ха! ха! ха! распитався з ним, аж його, знаете, що багато де чого нашкодив, військовий суддя Головатий приструнчив трохи, та й послав на попа до владики в Крим, так той його и посвятив.

Так тепер: вуси — отакі, а на голові й на бороді — тільки пеньки стирчать“... — Черноморцы тогда еще брили головы и не носили бород, а бывшему писарю Переберию, как попу, пришлось их запускать. Сотник и не удивляется, узнавши что писарь Переберий стал попом: „то чоловік письменний и розумний з біса. Вже коли з його був козак завзятий, то й попом добрий буде“.

На Кубани были и „добрячі“ казаки. Такими представлены заботливый любящий сотник Тупиця, добрый гений Маруси и Ивана. Он на все руки мастер: ружье испортить или поправить; от пули, от гадюки заговорить; от любви и не любви, — сказано „характерник, та й годи“, — кудесник, чародей, каким обязан был быть каждый „справжний“ запорожец да еще и старшина. Только это „чародей“ — добрый.

Сам Иван молодой многообещающий казак, которому, по мнению Тупицы, еще надо поучиться добывать себе „козачий хліб“. — „Нехай таки Иван іде собі з товариством до тих єретичних черкесів, бо він козак, його така стать“...

Об этом запорожском „хлебе“, перенесенном на Кубань, говорит сотник: „От як ми колись були в старій Січі, то відтіль було ходимо добувать до татар, або до ляхів; а що ті прокляті жиди, то було — не попадайсь нашому братові...

„Тай й ти, сину, не сумуй, мов собака в човні, а як трапиться тобі оце за Кубанню, то воюй добре, щоб вражих черкес оджахнути“.

Иной жизни Тупица и не представляет.

„А то що ж було б, як би на війну не ходили? Розбіглись би з старої Січі, як руді миші — та й годі“!

— „Та об сім тату й говорить нічого: не так вони нам допекли, щоб їх милувати! Тепера коня або вола й не думай випустить за слободу на пашу, бо так зараз і підхоплять; а скілько бідных дітей вони перетягали в неволю на той бік Кубані!.. Так який же їх чорт після сього милуватеме?...

Слава казачья была для черноморцев — все.

Ой, летіла бомба з московського поля
Та посередь Січі впала.
Ой, хоч пропало славне Запорожжя,
Так не пропала слава!

поют они, выступая в поход за Кубань.

„Оцю то славу и нам треба підпирати“, говорит Иван, слушая песню.

„Славне життя козацьке! Як сів на коня та і ввесь тут; де схотів, там і став. Ех коли то я діжду того щастя! — завидует старый сотник — „Дивись! Козаки сидять на конях, як орли; а крні й землі під собою не чують“...

Жизнь казачья — непокойная, и мать Маруси говорит рассудительно; „Ти єси дурна, дочко!... Слухай лиш сюди: Кабиця вже вислужився, в одставці, буде жити дома, хозяйство держатиме й худобу доглядатиме, а з молодого що? усе гонитимуть: то за Кубань, то на кордони, або в далекий поход“. Да и Иван утешает Марусю: тебе надо к этому заранее привыкать. Это не последняя разлука, это будет частенько, на то и граница.

Маруся потеряла отца в Польше, ходившего туда с кошевым Чепигою, а теперь новое известие, что судья Головатый пойдет в Персию: „от і цілуйся із своїм молодым. Тепер тілько за старым и пожити. Він хоч і старенький, так разумний і богатий дуже“, — он еще из под Измаила принес „багацько грошей та все червонці“.

На Кубани (тогда, конечно,) нет времени долго возиться со свадьбой — сегодня мать уговаривает дочку, а завтра утром придут и сваты, перевяжут рушниками и поведут в церковь, хотя „жених“ еще и не разговаривал никогда со своей невестой.

В то же утро жених идет к попу, а невесте в это время заплетают косу. „Які ж тут прибори?“ Наряжаться некогда, да и людей собирать на свадьбу негде. „Де тут тобі дівок набрати? Се не в городах (т. е. на Украине), а се в Чорноморії“.

На Черномории живут просто: Явдоха с дочкой только недавно перешли жить в „видну“, т. е. хату, другие „ще й досі в землянці“.

Венчанье отбывается скоро. Сам поп говорит: „Я тебе зараз і звінчаю“, — никаких процедур с оглашениями. Венчанье на Черномории не было и дорогим: „пан-отцю“ (священнику) „буханок (хліба) и пляшка горілки“, которой черноморский „пан-отец“ по венчании тут же угощает молодых, угощаясь и сам.

Ни поп, ни сваты не обращают внимания на то, что жених еле держится на ногах. „Насилу перевінчали, трохи й попа не звалив. Повінчавши, ще й піп дав по чарці“...

„Молоді“ возвращаются назад, а жених по дороге поет песню — ее и теперь слышим на Кубани:

Танцювала риба з раком,
А петрушка з пастернаком,
А цибуля с часником,
А дівчина с козаком.
Цибулиця дивується
Як хороше танцюється.

Все хорошо, что хорошо кончается, и кухаренковская „драма“ заканчивается всеобщим весельем: свадьбой Кабиці с Килиной и засватаньем Маруси с Иваном.

Обращает на себя внимание и несчастная доля „дівчины“: Маруся только пассивно сопротивляется желанию матери отдать ее за Кабицю, плачет, „нарікає“ и, не появись избавитель „китишний“ — (т. е. с темляком — „китицею“ на шашке, пожалованный в чин, а не избранный в полку) сотник Тупиця, — Марусю повенчали бы со старым пьянчугой.

Типы Кухаренка интересные, красочные, которые долгое время еще не переводились на Черномории, — наши отцы помнили таких черноморцев; теперь они уже отошли в область предания, условия жизни изменились, а с ними изменились и черноморцы.

II „Пластуни“. Чорноморське оповідання.

В этом рассказе Я. Г. Кухаренко рисует нам образ жизни казаков, выработавший столь прославленный тип кубанского бойца. Пластунованье было принесено на Кубань еще с Запорожья и, как видим, слово пластун произошло вовсе не от понятия „лежать пластом“, а от слова пластать — месить грязь по плавням.

Здесь мы видим казачьи сноровки, способы охоты, жизнь пластуна, приспособление к борьбе с черкесами.

III. Вороний кінь.

В этом рассказе рисуются: задетое за живое самолюбие черноморца, глубокая религиозная вера казака, сноровка украинца-мошенника, который, если уж научился мошенничать, так трех „москалів“ перещеголяет.

Зажиточный, богомольный казак Кульбашный отправился на Ростовскую ярмарку со своего зимовника на р. Сосыке продавать лошадей-неуков.

Черноморцы на ярмарке стояли своим табором. Продавши лошаков, Кульбашный захотел купить себе „на старість“ смирного коня.

Какой-то чумак-мошенник предложил указать ему коня.

„Вороний, батьку, там — що за кінь! сказано — запорозський“.

„А, запорозський“! каже Кульбашный, „ходімо зараз“.

Они вышли из Черноморского табора, перешли Бахмутский тракт и пришли к Темернику, где стояли чумаки с конем.

Взглянул на коня Кульбашный, „і жижка в старого затрусилась“.

Чумаки поддразнили казака:

„Не купить“, сказало разом чоловік з пьять. „Ці Чорноморці народ скупий з-біса; та й їздять усе на злых конях“.

„Чом не куплю? Я й вози ваші з волами можу купити“, вспылил Кульбашный.

Сторговавшись на 200 рублях, казак опробовал коня и, оставшись очень довольным, заплатил и дал еще рубль на могарыч.

Чумаки достали „боклаг, знайшли рогову чарку“ и началось угощение.

Подвыпивший Кульбашный не пожелал садиться на коня охлюпью „сором без кульбаки (седла) їхати по ярмарку на коневі, мов на краденому“, и отправился в сопровождении чумака к себе, ведя коня в поводу.

По дороге у заговорившегося казака коня заменили, а провожатый ушел вперед.

„Здумав Кульбашный на коня подивиться. Гульк назад: свят єси Господи! замісць коня — чернець занузданний, обшарпаниий труситься“...

„Дух святий з нами“!

Монах начал благодарить казака, упал в ноги, и ревет лежа, как зарезаный...

Кульбашный поднял его, расспросил.

Чернец рассказал, что он был в монашестве двадцать лет, „познался“ с жидами, за что его прокляли и на семь лет „обернули“ в коня. Все он слышал, как говорил Кульбашный с чумаками... Теперь пришел конец заклятия и он снова стал человеком. Монах попросил денег и богобоязненный казак дал ему „на обіходку“.

Дивились черноморцы рассказу Кульбашного, но верили: „велике діло клятба“. Повалило козацтво со всего табору расспрашивать про диво несказанное.

Через два дня ярмарка кончалась и Кульбашный пошел купить дегтю на дорогу. Идет. „Гульк — продається той самий кінь, що в його він ченцем зробився“.

Что ж вы думаете, панове? того продавца за ворот да до гауптвахты? — спрашивает Кухаренко.

„Та ніж бо! не так Кульбашний вірив, щоб усумниться“! Поставил мазницу на землю, подошел к коню, склонился к его уху и говорит потихоньку: „а що пан-отче! чи впьять оце ти согрішив? Кайсь, небоже“!

И схвативши мазницу в руки, вмиг в табор, запрег волов в воз и „геть“ поскорее до дому, от греха подальше.

IV. Вівці і чабани в Чорноморії.

Здесь идет речь о другом роде черноморской жизни.

Казаки, переселившись на Кубань с Днестра, пригнали с собою волошских овец и, т. к. между казаками было не мало волохов (молдаван), то их порядки закрепились и живут на Черномории до сего времени, пишет автор.

Кухаренко рассказывает об отарах, чабанах, о кочевьях, порядках на кочевках летом и зимою, описывает уход за овцами, ягнятами, лечение их, тяжелую и ответственную чабанскую работу, сноровки 10-15-ти собак, полагающихся „по штату“ на отару, способы охраны от зверя и непогоды, от зимней „хуги“, от степного пожара.

Тяжело зимою чабану, но зато, когда приходит весна, — музыкальный чабан становится князем природы.

У чабанов своя жизнь, свои заботы, чабан и овца — одно целое, нераздельное, а все вместе — нечто такое своеобразное, что сильно отличается от иной жизни не только порядками, обычаями, но и своим особым „бесерменским“ языком, характернейшие слова которого Кухаренко приводит в чабанском словаре.

Все произведения Я. Г. Кухаренко просты и несложны, дышат неподдельной жизнью и в этом заключается их неоценимое достоинство. Мы видим перед собою яркое отражение быта наших предков, жизнь той старой Кубани, которая еще помнила запорожское время.

Укажем некоторые образцы Кухаренковского языка по пьесе „Чорноморський побит“.

Приветствуя старшего и группу казаков, черноморцы говорили: „Ваші головы отамане-батьку й товариство“; в обращениях к другим называют их „пани-молодці“, близкое к донскому „атаманы-молодцы“.

Пойду, говорит казак, „погурукаю“ — погуторю; между собою черноморцы иногда и „теревені правлять“ — ведут разговоры о том о сем, могут тоже и „понести чили“ — ерунду. В разговоре пустяковом, никчемном — казаки „базікають“, а о непонятном — „белькочуть“; в деле невеселом — „сумують“; расходившаяся же сплетница, а то и сплетник — „варнякають“, наговаривая на человека.

Черноморцы гостеприимны и хлебосольны. Угощение подается на „сирно“ — низкий столик, вокруг которого „пани-молодцы“ садятся „по козацькому“ — на полу, скрестивши ноги; так еще многие, а старики в особенности, и теперь предпочитают сидеть.

При еде принято гостей „почастувати“ горилкою.

„Пожалуйте“, подает рюмку хозяйка.

„Звольтесь“, отказывается гостья из вежливости.

Люди на Черномории вежливые, хоч „московський пан“ и говорил что „там все бродяги“.

„Та хоч пригубте“, говорит неопытная „городовичка“.

„Крий Боже“, отвечает черноморка, „як пригубиш до чарки — після тебе й татарин не буде пити“.

Казаку не пристойно „якшатися“ с надоедливыми бабами, такая „причипендо“ может отравить веселую жизнь. От этой „марюки“ не отвяжешься так быстро, хоть бы и „крутив головою, як цап в дроковицю“, особенно когда казак „вляпався“ — влюбился в другую. От любви казак страшно „разманіжився“ и любовь ему „наче комашня поза шкурою полізла“...

Эта (Маруся) красивая „тонкослизця“ — плакса, совсем не желает выходить замуж за „мацапуру“ — чучело и поэтому все „рюмает“ — плачет. Она такая „придзеглевана“, что никак ее не уговоришь „наче курячим зубом обчеркнули“, так она верна своему молодому избраннику, с которым так недавно „попрощалась любенько“, когда он шел в поход на черкесов. Милый ей „верзетця“ и во сне, а не только в мыслях.

Однако „вража мати“ „гримає“ на свою „тонкослизцю“.

Старый жених и „радо би“ „зажартував“ с молодой дивчиной, да она така „брикуча“, что „нехай тобі хрін“; „губу закопилила“ и никак не принимает ухаживаний, да еще и так „шморгонула“ кавалера, что старый „дундук“ еле на ногах удержался — „Гетьте лиш відсіль“! — „Та й силькось! я й піду! нехай вам халепа“.

Оно и понятно, бо старий „бач куди потетюрився“, вылупил „баньки“ (очи) и не видит, что он такая ей пара „мов маківка з реп'яхом“. Дивчина его „любить, як собака цибулю“, да и вообще невеста ему „пристала, як собаці лико“, хоть он и „грошовитий“. Другое дело-та первая, та бы „до сего торгу й пішки“, но хай їй рябий біс від мене“, „гаспидскій торохтійці“. „Нехай вона тобі на леду підсковзнеться“, такая „бесура“ и „псяюха“! „зла личина“.

Уговоры бесполезны: „Глянь на Бога прицюцюватий“! да она тебе поднесет „печеного кабака“. У Кабьщи крепкий лоб: „чи не торохнуть лиш мені лобом у двері так, щоб вони на дванадцятеро розторощились“? — спрашивает он приятеля перед запертыми дверями Маруси, только вот опасно, чтобы мать не „зкомизилась“ и все дело со свадьбой бы не пропало, а что невеста „попоштуе печеним раком“, — то ничего; его не смущает и молодой „гаспидський“ соперник, то ведь „блазень, білогубе щеня“, той „єритичній бісовій дитині“ можно „дать затірки“, когда он попадется в его „лещата“, а хлопец тот проворный „хоч до лука (оружия), хоч до дрюка“, может и сам дать „товченика“.

Сваты, когда разойдутся, так за словом в карман не лезут.

Обмен любезностями между сватами не кончается:

„Блощиця смердюча“! „Гробак короткопузий“! „Индик кишнатий“! „Сыч витрішкуватий“! „Харсун (барсук) коротконогий“! „Бушля довгонога“! „Свиня товстопуза“! „Хортова собака“! „Гаспидська каракатиця“! „Бісова худоба“!

До драки дело не доходит, приятели мирятся.

Черноморец любит выпить, а по чарке — „уцюкнуть шекели“ (ударить шенкелями — затанцевать); но к нему и пьяному нужно под'езжать осторожно „надогад буряків, щоб дали капусти“.

Подвыпившему казаку „і не тютьки, що з заду робитця“, он не может вперед „бігти чапкенько“, а „потюпає“ собі по дорозі помаленьку, та й „чимчикує“ прямо до своєї „відни“ — хаты, а не землянки; „вештаться“ ему Бог знает где не приходится.

Думы и мысли казачьи.

Военное дело — казачье дело.

Вечный мир возможен только на кладбище.

Мольтке.

С тех пор, как существует мир — существуют и раздоры, а пока будут существовать раздоры — будет и война.

Иззет-Фуад-паша.

I.

Человечество вступило в полосу ожесточенной борьбы.

Периоды мирного сожительства народов и государств сменяются длительными вооруженными столкновениями, цель которых — взаимное уничтожение.

Помимо международных столкновений всем странам приходится переживать постоянную борьбу отдельных классов внутри самого государства из-за противоречия классовых интересов при неравномерном распределении земных благ; наиболее пагубной, для обеих сторон, является борьба труда с капиталом. Примирить интересы рабочих и хозяев чрезвычайно трудно, особенно в европейских условиях.

Несмотря на создание Лиги Наций и Международного Бюро Труда, внешние и внутренние столкновения неизбежны. Никакие гарантийные договоры, никакие пакты не предохранят народы от внешних войн. Никакие арбитражные комиссии не создадут внутреннего мира при теперешней структуре общества.

Неустойчивость международных отношений и острота внутренних смут усугубляются еще более наличием воинствующего коммунизма, обосновавшегося в Советской России и раскинувшего густую сеть филиалов по всему миру, вплоть до отдаленных островов Полинезии.

Появление фашизма в Италии, в свою очередь, не обещает народам мирного сожительства.

Если фашистскому правительству, пока что, удалось наладить гражданский мир внутри итальянской нации, то его внешняя экспансия вызывает повсюду — и в первую очередь на Балканах — большие тревоги.

В современной мировой обстановке пацифизму нет места и мечты о вечном мире должны быть оставлены.

—„Вечный мир возможен только на кладбище“ — говорил фельдмаршал Мольтке.

— „С тех пор, как существует мир — существуют раздоры, а пока будут существовать раздоры — будет и война“ писал в своей книге о Русско-Турецкой войне Иззет-Фуад-паша, один из умных людей Оттоманской Империи.

Поэтому всякий народ, всякое государство — должны быть готовы к борьбе, чтобы отразить нападение, откуда-бы оно не исходило.

Право на жизнь сумеют отстоять только те народы и те классы, которые встретят врага во всеоружии.

Для современного человека совершенно не достаточно быть хорошим земледельцем, рабочим, фабрикантом, купцом, учителем, инженером, адвокатом. Он должен быть прежде всего бойцом-воином.

Помимо воспитания духа и моральной закалки, теперь надо изучать и военное дело во всем его об'еме.

Принципы военного искусства во все времена и у всех народов оставались неизменными. Менялись лишь методы и способы действий в зависимости от видов и свойств оружия.

Александр Македонский, Юлий Цезарь, Фридрих Великий, Суворов, Наполеон, Мольтке — все эти великие полководцы вдохновляли и руководствовались одними и теми же началами. Не опровергла этих извечных начал и последняя мировая война 1914-18 г. г., не смотря на колоссальное развитие техники и появление новых средств борьбы, как в свое время не изменило их изобретение пороха.

Принципы военного искусства непоколебимы; но само военное дело, благодаря техническим усовершенствованиям, усложнилось до крайности. Изучение его требует напряженного внимания и продолжительного времени. Виды современного оружия чрезвычайно разнообразны и умение владеть им с каждым годом делается все труднее, особенно в странах технически отсталых.

Большую помощь в деле военной подготовки оказывают всевоможные спортивные общества, как напр. организации бойскаутов, сокольские дружины, стрелковые общества, гребные гонки, всякого рода экскурсии учащейся молодежи и т.п.

На изучение военного дела должно быть обращено особое внимание. Это долг и обязанность каждого гражданина, который хочет защитить свое отечество и отстоять свои права внутри своего государства.

II.

В силу особых исторических условий, казаки были с испокон веков искусными воинами; ратное дело они знали в совершенстве.

Во время набегов на Черноморские побережья, казаки показали себя отличными мореходами. Плавая на своих легких судах, они не боялись вступать в единоборство с турецкими кораблями.

Во время знаменитого Азовского сидения казаки проявили не только величие духа, но и глубокое знание инженерного искусства. Они умели строить и оборонять укрепленные городки; и штурмовать их.

В стычках с татарами, в войнах с турками и поляками, а впоследствии и с народами Западной Европы, казаки заслужили славу первоклассной конницы, которая осталась за ними до наших дней.

Когда обстановка требовала, казаки с успехом дрались и в пешем строю. На Кавказе лучшей пехотой считались пластуны.

Легкая казачья артиллерия всегда была на отличном счету; казачьи батареи — и стреляли и маневрировали прекрасно, помогая своей коннице и пехоте выполнять их боевые задачи.

Богатый опыт прошлого, славные исторические традиции, в соединении с современной техникой, пригодятся казакам при возрождении вооруженных казачьих сил, которые в будущем представят собою правильно организованные армии из всех родов войск с применением всех технических средств борьбы.

Теперешняя обстановка крайне неблагоприятна для казаков.

Большевики уничтожили казачьи части; казачья молодежь отбывает воинскую повинность в красной армии на общих основаниях.

Казаки-эмигранты заняты заработком насущного куска хлеба и не в состоянии следить за развитем военного дела вообще и военной техники в особенности.

Исторический ход событий, географические условия, изменения социального быта — все складывается против казаков. Это казакам надо твердо знать и смотреть действительности прямо в глаза.

Не взирая ни на какие препятствия, казачество должно найти в себе достаточно сил, чтобы отстоять свое дальнейшее бытие. Во имя своего славного прошлого и ради великого будущего казачеству надлежит об'единиться, дабы действовать единым фронтом.

В первую голову все казаки должны денно и нощно работать над освобождением своих порабощенных Краев и быть готовыми стать на защиту их с оружием в руках.

Несмотря на тяжелые условия теперешней жизни, казакам ни в коем случае нельзя забывать военного дела; им во что-бы то ни стало надо следить за развитием военной техники, изучать военную историю, организовывать кружки военного самообразования, вступать в спортивные общества.

У казаков должны быть кадры и для освобождения и для строительства своих Краев. Над созданием таких кадров, над изучением великого дела надо думать теперь же. Это долг казачьих руководителей и обязанность казачьей молодежи, которым придется и отвоевывать и устраивать свои разоренные гнезда.

И. Св—ов.

Ни рассказачивания, ни оказачивания.

Думы в слух.

Задолго до мировой войны, на экзаменах в О-кое Военное Училище, экзаменовавшие батюшки очень удивились, когда к столу подошел один Кубанец экзаменоваться из „вероучения". А когда убедились, что этот бритоголовый юноша, с длиннющим кинжалом, и „молитву за царя" знает, пришли в умиление и поставили 12.

Во время войны, в Севастополе, ожидая Кубанских пластунов, русская интеллигенция до умопомрачения договорилась перебирая вопрос: — Что такое пластуны? — Народ? Сословие? Секта? Ползуны?..

А в Петербурге, перед группой студентов, одна высокопоставленная особа клятвенно уверяла, что кубанцы, — это каким то чудом уцелевшее племя профессиональных воров и разбойников. Особа рассказывала, что кубанцы до того уж дожились, что, поворовав друг у друга решительно все, забрасывают свою собственную шапку в кусты и, с кинжалом в зубах, подкрадываются к ней, чтобы половчее стянуть ее. И больше ни на какой труд не способны.

Примеров, иллюстрирующих полное незнание русскими казаков, имеется достаточно. И в том, что русское общество казаков не знало, удивительного ничего нет. Ибо когда Россия (Великороссия) интересовалась казаками, Казачеством? Только тогда, когда ее до основания расшатывали исключительные события. Когда, как правило, Казачество в этих событиях играло первенствующую, а часто и решающую роль. А успокоится, образуется колосс — о существовании казаков опять никто и не подозревает. Тогда все снова теряется в одном „русском море". Если же иногда и всплывал вопрос о Казачестве, как о нечем, от русского народа особом, начиналась яростная кампания:

— Рассказачить!

Все и вся должно быть приведено к общему знаменателю...

Еще вчера одни русские верховоды призывали казаков о с в о б о д и т ь р у с с к и й н а р о д от других русских верховодов.

И казаки освобождали русский народ, кромсая шашками русских Иванов, Сидоров, Демьянов.

А сегодня эти верховоды каются. — Не хорошо, мол, делали, когда с казаками освобождали русский народ от... русского народа. Да и казакам не нужно было от самих себя освобождаться. Потому — они тотже „русский народ."

Из своего прекрасного далека опять свой старый богоносный народ увидали.

„И правильно. Ибо издавна уж их „народ" не Иваны, Сидоры, Демьяны, а чистая абстракция. И потому то даже столбовые и иные русские помещики „свой народ" о б о ж а л и, а Ивана, Сидора, Демьяна на собак меняли. Грудью жен этих Иванов и Сидоров щенят кормили...

Когда-же другие народы пытались уразуметь сию странную русскую „любовь" к своему народу, задорно отвечали:

И не пытайтесь! Умом нас не понять. Потому — Россия — это особ статья. В Россию де можно „только верить".

И, делать нечего, верили. После только, в самую тяжелую минуту убедились, что все-же лучше было-бы немного знать, чем много верить.

— До победного конца! Кричал весь русский народ (Иваны, Сидоры, Демьяны), покидая фронт и оставляя союзников с носом.

И опять, хоть и перекрашенная в СССР, призывает Россия „гнилой" буржуйный мир верить.

— Понять нас не пытайтесь, но верьте. Потому, мы — о с о б е н н а я с т а т ь.

Только верующих теперь что-то уж не видно. Иные времена настали. Ныне каждый хочет знать с кем имеет дело. Времена „загадочных“ натур и мессианских народов, имеющих повести за собою другие, „не избранные“ народы — прошли безвозвратно. Ныне у какой хочешь „загадочной“ натуры найдут, что вся его загадочность“ в какой-нибудь желёзке заключается. А насчет „предопределенности“ и „мессианства“ народа лучше не заикаться. Весь свет китайской стеной отгородился от того новогo, спасоносного, что столько лет от богоносца народа ожидали.

А мы-то даже очень хорошо знаем, как там было. А как будет — не сомневаемся, что так-же, как и было. М. б. еще и хуже.

Ведь даже и нас да еще и после недавнего такого прекрасного предметного обучения призывают только верить да быть до конца „безоговорочными“. Так-же, как и в первые дни „Великой Революции“. И тогда казакам сулили все перья из хвоста прекрасной птицы — свободы, а себе — казачье добро прикарманивали.

Тогда нам говорили:

— Товарищи, станичники! — Солнце свободы высоко поднялось над русской землей. Ее ослепительные лучи прекрасными точками покрыли и наше и ваше. И все стало наше... свободное. Старое сгинуло. Сгинули недоимки за „посаженное“, сгинула разница в землепользовании. Ибо свободный гражданин, что чир: где схочет, там и вскочит...

На это станичники резонно отвечали: — Лучи то лучами. И солнце пускай себе жгёть сколько угодно — не возбраняем. А вот „посаженную-то“ простить никак не можем. Потому нам и сейчас от вас тесно, а без „посаженной“-то и совсем житья не будет...

Не так ли говорят нам и сейчас, в эмиграции? Не сулят-ли нам какую-то новую, прекрасную Россию, под теплым крылом которой вместе с другими гражданами будет благоденствовать и казачество?..

И можем-ли мы на это отвечать иначе, чем отвечали станичники на щедро разбрасываемые московскими чекистами „лучи свободы“?

— Не можем.

От всей души желаем видеть Россию такою, какою ее хочет сам русский народ, но свою казачью землю устроим сами и порядок в ней заведем такой, какой желаем сами.

Другого выхода у нас не только нет, но его и не может быть. Мы отлично знаем и Россию тамошнюю и Россию здешнюю. Тамошняя уничтожает казаков физически; здешняя навязывает нам старую бурдючную экономическую политику и старую-же политику гегемонии, при которой все „мовчить, бо благоденствуе“.

А приять такое „будущее“, значит покончить самоубийством. На это мы еще никак не собираемся.

Жилавости-то у нас достаточно. Сила казачья еще не иссякла. И неисчерпаема наша жажда свободной, творческой жизни.

Ведь уже в первых навалах большевизма казаки совершенно правильно усмотрели их завоевательный характер. И война эта для них не была — война гражданская...

— Сколько казаков мечтало тогда об Алашкертской долине!

— Пойдемте-ка мы за Чинчиль. Договоримся с курдами и турками. Расселимся по Ефрату и Шариан-су. И заживем свободной казачьей жизнью... Только подальше от русского солнца свободы...

Кто из нас, Кубанских офицеров, не слыхал таких заветных желаний своих „рядовых“ казаков? И разве-же это случайное явление? Разве подобных „исходов“ в прошлом не бывало?...

Нет, казаки слишком хорошо знают своего северного соседа, чтобы безоговорочно или оговорочно вступать в лоно Единой, Неделимой...

Время идет. И прошлогодний календарь для нового года уже не пригоден.

А опыта было более, чем достаточно, чтобы еще раз повторять излишнюю роскошь проливания крови за чужие интересы.

За предоставления „роли чужим“ заплатили слишком дорого, чтобы опять итти на поводу „старых“, „общепризнанных“. Пережитая катастрофа заставила критически отнестись к этим старым хлебам, взошедшим на московских дрождях и посмотреть под другим углом на наши взаимоотношения с соседями.

„Вольное Казачество“ явилось как плод идеи, ревниво оберегаемой казаками в изгнании. Как удовлетворение немых запросов казаков, истосковавшихся по своему духовно-политическому центру, в котором, как в фокусе, отражались бы их чаяния, их жажда самодеятельности, их истинные взгляды на грядущее.

И потому-то оно и прошло так быстро во все уголки света белого, де нудьгуе хоть один козак. И удесетерило силы каждого томящегося в тяжкой тоске за рідним краєм.

Казаку импонирует все, что смело, открыто и честно. А „В. К.“ смело и без забрала выступило со своей идеологией, открыто называя вещи их собственными именами.

Здесь нет места недоговоренности, нет места расплывчатому понятию об „Общей Родине“. Ясно и определенно:

— Освобождение Дона и Кубани из под власти РС ФСР и СССР... Восстановление суверенных Учредительных Собраний, Рады и Круга, над волею которых нет иной высшей власти...

Никаких клюкв, никакой **terra incognita**. Мы знаем, с кем будем иметь дело. И даем полную возможность узнать и нас. Узнать нас такими, каковыми есмы. И от этого обе стороны только выиграют.

Вл. Куртин.

Казачья эмиграция.

В Братиславском Хуторе.

... Вы спрашиваете — все ли „благополучно“ с „письмом в редакцию“ „П. К.“ от Рев. ком. Братиславского хутора? Думаю, что на этот вопрос Вам ответит сама Ревиз. комиссия... Я же позволю себе остановить внимание казаков на „неблагополучии“ в самой жизни хутора, как следствии „письма в редакцию“...

После гастролей В. А. Харламова, как известно, был об'явлен по хуторам „день выявления лица перед русской общественностью“ и в редакцию П. К. посыпались „письма“...

Подобное „выявление“ имело место и в нашем хуторе еще 25 марта с. г. То-ли по оплошности Правления хутора, то-ли в этом было мудрое молчание, но только В. А. Харламов, к удивлению своему, от Братиславского хутора письма не получал до 13... июня с. г... Это обстоятельство, конечно, не могло не беспокоить и некоторых членов хутора, и в особенности лиц, связанных партийной дисциплиной с той или иной русской организацией... Их стараниями было устроено заседание Рев. ком., которая и решила помимо Правления „провести в жизнь“ постановление хут. сбора от 25/III. с. г. Правление, после вмешательства Рев. ком. в его функции, вынуждено было подать в отставку и даже вышло из хутора (за исключением писаря).

Письмо, т. обр., попало, наконец, к адресату, но хутор остался без Правления. И вот уже два раза Рев. ком. назначает чрезвычайный сбор для выборов Правления и два раза распускает его за отсутствием кворума...

Таковы результаты „выявления“ и, к сожалению,

есть основание предполагать, что существованию хутора в дальнейшем угрожает опасность... Поживем — увидим.

И. М.

Среди калмыков.

В текущем учебном году окончило среднюю школу пять калмыков, из коих четыре — Пражскую Реформированную Русскую Реальную гимназию, а пятый в Югославии-Донской Кадетский Корпус.

Все абитуриенты являются донскими калмыками: Тюльтинов Доржа-Граббевской станицы, Даржинов Манца-Батлаевской ст., Владинов Григорий-Платовской ст., Далантинов Содман-Денисовской ст. и Сангилев Бембе-Власовской ст.

24 июня с. г. Калмыцкая Культурная Комиссия в Ржевницах, возле Праги, в полном своем составе во главе с председателем Б. Н. Улановым приветствовала их и преподнесла им традиционный калмыцкий подарок. Такое групповое окончание средней школы для калмыков является редким случаем, не только здесь в эмиграции, но даже и там, на родине. Для нашего народа упомянутый случай имеет громадное значение т. к. калмыки не имеют достаточного числа интеллектуальных сил. Калмыцкая-казачья семья не только живет в Европе, но она работает и делает заметные достижения, что является светлой и радостной страницей нашего изгнания.

Э. Б. (*Прага*).

Группа джигитов имени генерала Бабиева в Братиславе.

В воскресенье, 1 июля, на футбольном поле «**Š. K. Bratislava**» в г. Братиславе состоялась джигитовка казаков под водительством М. Зарецкого.

С болью в сердце приходится сознаться в том, что никогда еще мы — казаки — не краснели так за казачье имя, как в этот день...

Общее впечатление прекрасно охарактеризовано одним из зрителей — «**potvory, jen reklamuji**»!.. Эту фразу, однако, ни в коем случае нельзя отнести к самим джигитам, т. к. они сделали все, что м о ж н о было сделать на чужих, невыученных лошадях с английскими седлами. Но она целиком принадлежит и по делом „дельцам" — эксплоататорам, безнаказанно торгующим казачьим именем (В данном случае — некто, именующий себя доктором — **impressario** группы).

В самом деле — несколько дней по городу ходят и ездят на лошадях и на автомобиле люди, одетые в черкески, везде расклеены афиши — телеграммы, оповещающие обывателей, что в город прибыла знаменитая труппа джигитов-казаков, показавшая с успехом свое искусство и в Вене, и в Берлине, и в Белграде в присутствии королевской фамилии, и т. д. и т. д... Обещается удовольствие с 5 ч. вечера и до ½8 в виде головоломных номеров и казачьих танцев...

Публика доверчиво отнеслась к этой „сенсации" и, как всегда, охотно посетила джигитовку (сбор дал свыше 10.000 кч.). До сих пор она привыкла видеть добросовестное отношение к делу со стороны устроителей и никогда не обманывалась. Не один раз Братиславу посещали и джигиты и казачьи хоры (Жарова и Кострюкова), равно как не один раз студентами и вообще членами местной колонии устраивались концерты, вечера — балы и т. д. и везде заметно было помимо желания „заработать", искреннее желание поддержать доброе имя корпорации, или народа, к которым принадлежали устроители, на должной высоте...

Но вот нашелся любитель легкой наживы (безразличный даже к своему собственному имени — вечно пьяный и скандальный, с трех-этажным матом на губах, он производит отталкивающее впечатление), который, воспользовавшись тяжелым материальным положением казаков-джигитов, в нужную минуту собирает их и за 1—2 сотни кч. заставляет их „джигитовать" чуть ли не на коровах, с риском стать калекой, или отправиться к праотцам...

В результате, деньги плывут в бездонные карманы „дельца", а худая слава о казаках — по белому свету...

Черед, наконец, пришел и до Братиславы...

Началось с того, что бесконечной продажей билетов на „трибуну" (более дорогие) публику набили, как сельдей в боченок. На заявление распорядителей-контролеров, что мест нет, „делец" спокойно заявляет — тесни их и продавай... Билеты продаются, а мест соответствующих нет — публика протестует (но зато „делец" доволен)...

Как уже упомянул, джигиты собственных лошадей не имеют и на каждую „джигитовку„ „занимают" или „нанимают" их...

Но ведь и ребенку известно, что джигитовать можно только на выученных лошадях. Что может сделать человек там, где одна из главных ролей принадлежит лошади?..

Неудивительно поэтому, что первый же номер программы — скачки с препятствиями (барьер) ставит в весьма неловкое положение джигитов и оставляет самое безотрадное впечатление, т. к. из 7 лошадей (обещано было десять) барьер берет только одна... Напрасны старания казаков и в дальнейшем. За редким исключением номера не удаются (а какие прекрасные джигиты были там!),ибо лошади, не будучи в силах разобраться в том, что от них требуют, в большинстве или останавливаются, или поворачиваются обратно... Не удалась ни стойка, ни даже скачки стоя, на подвешенных стременах. Единственным номером была пирамида и скачки вокруг поля на перегонки. (Последний номер программы)... Еле дотянув до ½7-го, джигитовка была окончена и не было даже почему то о б е щ а н н ы х танцев...

Стоишь, краснеешь, кусаешь губы и слышишь весьма нелестные отзывы. Ведь причина неуспеха понятна только нам, а они разве поймут это... Деньги получены — показывай товар лицом!..

Думаешь — за что эти незаслуженные оскорбления и когда же им будет конец? — Приходится только пожалеть о том, что до сих пор не была сделана даже попытка (а ведь возможность была) со стороны бесконечных казачьих Союзов и О-в, об'единить казаков-джигитов, снабдить их постоянными лошадьми и казачьими седлами и тем самым избавить их от опеки „дельцов", ничего общего не имеющих с казаками и только позорящих доброе имя казачье... А не пора ли Вольным Казакам подумать об этом?..

Г. Б.

(*Братислава*).

В О-ве кубанцев.

Мы уже подчеркивали, что не ведем полемики ради полемики, что „В. К." взяло на себя задачу — прежде всего проповедь своих идей, пропаганду с в о е й программы. Не все наши противники держатся подобного мнения и образа действий. Оно и понятно. Говорить о том, чего хочешь, особенно в политической жизни и политической борьбе — трудно. Еще труднее найти правильные пути для достижения намеченных целей и совсем легко говорить о том, что у других тебе не нравится и чего не хочешь. Это, ведь, ни к чему не обязывает. Так поступает в своих выступлениях против „В. К." и фактический „возглавитель" О-ва Кубанцев г. П. Макаренко, ведущий эту кампанию от имени О-ва К. Как и во всех его выступлениях вообще (и раньше), г. Макаренко очень хорошо знает, чего он не хочет и мало очень представляет себе то, чего хочет сам. Это — слабая сторона всех его выступлений по всем поводам. Оно и понятно, т. к. г. Макаренко определенностью своих убеждений, а тем более постоянством своих исповеданий никогда не отличался. Заграницей, напр., начал свою карьеру под Земгором; потом послужил большевикам своим сменовеховством, а когда на этом провалился, а Земгор — и донцы и терцы, работавшие с ним в Земгоре, перестали подавать ему руку за „воззвание", г. Макаренко ушел в „союзники" к

Шаповалу, потом поругался с Шаповалом. Вероятно, скоро узнаем и имя нового его „господина".

Непостоянством своих убеждений г. Макаренко иногда даже бравирует. Так было, напр., и на последнем его выступлении, когда он проронил неосторожную для себя (с нашей точки зрения) фразу: „великие люди меняют свои убеждения, изменил и я их". — Который раз?

Неохотно, по приведенным выше мотивам, отводим эти строки г. Макаренко. Один раз, о его подебрадском выступлении, на котором он потерпел полное, поражение, мы промолчали. Наше молчание неправильно, очевидно, было истолковано „докладчиком", как это видно было из его нового выступления.

В виде исключения, мы разрешим себе привести здесь короткий отчет не только о последней пражской, но и о предыдущей подебрадской дискуссии по поводу выступлений г. Макаренко против „В. К." (место которого его группа не прочь была бы занять, как признался докладчик. Не в этом ли вся причина „похода"?)

Між тим, що говорив п. Макаренко в Празі 16 травня про „В. К." і тим, що він говорив 27-го в Подєбрадах, не було великої ріжниці. Дуже влучно і змістовно одповів докладчикові донець, п. І. П. Вихлянцев, що зробило добре врожіння на українську ауділторію. А далі почалось те, чого п. Макаренко не чекав. В оборону „В. К." проти новоявленного українського „патріотизму" п. докладчика стали самі українці. Друге цікаве — це відношення кубанців. В Подєбрадах, як відомо, є ціла „колонія" кубанців, біля 40 чоловік, більшість яких п. Макаренко рахує „своїми". І от, із цих 40 чоловік, ні один не виступив за докладчика, а той один, що виступив (як раз „свій") — говорив за „В.К." і проти свого „патрона". Мабуть набридло вже всім пустодзвонство.

Із промов передамо коротенько лише промову відомого соціолога, доцента І. О. Бочковського, яка має значіння не стілько полемичне, скілько наукове.

П. доц. Бочковський на вступі своєї промови зазначає, що в його семінарі не раз уже цікавилися питанням про козацтво взагалі і не одна праця проробленa була вже на цью тему і ця обставина є приводом до його виступу на цім диспуті.

На жаль, каже промовець, доклад і дискусія відразу стали на помилковий шлях 100% патріотизму і рівночасно проголошування национальними ворогами чи зрадниками иначе думаючих. Політика не є лише питанням патриотизму, але в першу чергу — науки і здорового розуму. Тому иноді треба мати відвагу бути „непопулярним".

Козацтво прокинулося політично й прямує до самоозначення, як це тут добре зазначив представник Дону. Козацтво — це природний союзник українських самостійників.

Не йде про те, чи це „нація". Фактом є, що козацтво є саме на шляху до політичного самоозначення. Не має значіння, чи це самостійництво козацтва має етничні, чи історичні підвалини. Фактом є, що воно має побутові й територіяльні підстави.

В інтересах України не є інкорпорація Кубани, але політичний союз зі самостійною кубанською й донською державою, до чого прямує саме козачий рух. Власне з цього погляду поневолені народи Сходу Европи можуть вітати політичне самостійництво козацтва.

Це ніби суперечить гаслові української соборности? — На жаль, з цим гаслом останніми часами робиться найгірша політична демагогія. В наш час державна соборність („єдінонеделімчество") є майже поза межами політичної дійсности. Навіть такий народ, як німецький, не встані її здійснити, — тим менше може це зробити поневолена нація. Перед механичною державною соборністю слід у першу чергу подбати про органичну национальну соборність. Ми вже мали приклад злуки Великої й Західньої України. А зараз мусимо констатувати воротнечу між наддніпрянцями та галичанами. Так і механичною злукою Кубані з Україною можна легко витворити кубансько-український антагонізм, замість соборности.

Живемо в добі політично-державного самоозначування і творення нових націй на цім грунті, прикладом чого можут бути Канада, Новой Зеланд, Австралія, Південна Америка та ин. З цього погляду слід дивитися й на козацький рух до державної самостійности. Персональні напади і запідозрювання тут не помужуть. Трєба рахуватись с фактами. Коли козацький рух штучний, мовляв, інтрига, — він пропаде, життя його усуне. Не забуваймо, що майже всі самостійницькі і національні рухи ворогами них проголошувались за чужу інтригу. Не слід українцям поборювати цим методам рухи, які з тих чи инших причин комусь не милі. В інтересах справи й правди є треба більше уваги та пошани до чужих думок і прямувань.

После последнего подебрадского поражения на почве историческо-социологического разбора проповеди „Казачьей Нации" и поражения, к слову сказать, нанесенного самими же украинцами, да и после пражского урока 16-го мая г. Макаренко долго готовился к новому бою, применяя уже статистический метод и убеждая публику диаграммами в правоте своих выводов.

Доклад его (2 июня) сам по себе не давал ничего нового.

Аранжировка лекции была, правда, не дурная — звали даже чехов, но тем показательнее было очередное поражение, нанесенное, главным образом, украинцами.

Первый блестящий оппонент, галичанин г. Шипарович, с эрудицией офицера генерального штаба, подошел к вопросу — с военно-стратегической стороны.

— Незрозуміла точка погляду докладчика; вона не відповідає і інтересам України. Теперишні политики Дону і Кубані (з „Вільного Козацтва") роблють значно більше, ніж коли б ми йшли спільним державно-національним фронтом.

Українці лише тоді будуть стратегично-самостійними, коли Дон буде з нами:

Дон з росіянами, — це смерть України. Донська кіннота за тиждень може знищити Таврию і всю промисловість на півдні України. Через те і Буденний побив Врангеля, що в його полках були кубанці і донці, яких він привернув до РСФСР.

Нам не треба старатися про Кубань, бо там ми маємо певних людей (В. К.), які можуть нас підтримати, хоч і не прямим ударом.

Як би Кубань зуміла паралізувати анти-українськи настрії, затримати Дон і Кавказ від виступу проти України, то це б був колосальний успіх.

Козацтво грає в козачих землях величезну ролю і не знаю, чому б козакам хотілося мішатися з иногородними і перестовати бути козаками — краще б коли козаки „вбрали иногородних в козачі ризи, оказачили", бо козаки теж люде, але які добре вміють і орати землю і обороняти її оружно.

Как бы в дополнение к первому оппоненту, выступил п. Олесіюк.

Ми творимо програм будови нашой державности і для цього доклади і дискусії корисні.

Оппонент вислaвлює погляди на козачу акцию відповідальних українских кол, т. зв. „петлюрівців", себ то тих, які групіруются навколо Української Народної Республики" — У.Н.Р.

Доклад був однобічний, не показав цілого значиння Козаччини в українській проблемі, а козача проблема має величезне значіння.

Неможлива Україна як тривала держава, наколи б Дон і Кубань були б в володінні ворогів України, це є очевидна істіна.

Було б величезною помилкою, коли б люде, які повиростали в центрі України, а тим більше самій Козаччині (як группа докладчика) мали б який инший погляд.

Цілий Доно-Північно-Кавказський терен є в життевих інтересах України і було б неможливо допустити там в майбутному акцій ворожих, це б було фатальним для Українськой державности.

Науку вже маємо — 1918-20 р. довели нас до катастрофи через те, ще там на Дону і Кубані організувалась Добровольческа Армія, яка втягла козацтво в сферу своїх інтересів і билася з нами. Козацькі терени не сміють бути нам ворожими.

Це ми маємо доказати закордону, Европі і кажній свідомий українець мусить цю акцію, акцію Вільного Козацтва підтримати.

4 милліони козаків на північному Кавказі не можуть бути зліквідовані однією фразою, бо це найбільш сильна і міцна маса і коли б вона в наслідок наших помилок, знов стала на російському боці, це б було для нас великою поражкою.

Ідея „Козачої Нації" такою, як її нам намалював докладчик не має підстав, але так як її уявляють „В. К." підстави має. Питанне „Козачої Нації" — донців, терців, астраханців, оренбурців, уральців і т. д. має серьезне історичне і етничне значиння.

Козацтво навіть инший тип антропологичний, це видко на око кожному, а по укладу життя, по побуту. Треба вітати той час, що повстає ця ідея, що вони не є той лапоть московський, — це треба тільки вітати.

Докладчик підкреслював, що Вільне Коз. ставить своєю ціллю поворот назад забраної іногородніми землі — це абсурд, бо „В. К." так питання не ставить, це б була політика краху; навпаки „В. К." земельне питання ставить так як це зробили в 1918-19 р. Рада і Круг.

Що „В. К." обмежує це право для нових переселенців за час окупації СССР — це резон, „В. К." хоче охоронити свої землі так, як в Ельзас-Лотарингії і в Познані охоронили її від Німців.

Тепер Москва свідомо коломізує козачі землі, переселяючи туди планомірно з центральної Росії, рязанских, калуцьких.

Всі зауваження докладчика проти „В. К." — ломления в откриті двері, бо „В. К." знає, що коли б виникла боротьба поміж козаками й іногородніми, то запанує третій, а вони хочуть дома бути самі господарями.

Кубанец, инж. Терещенко, подчеркнув свою непричастность к „В. К.", дающую ему возможность быть об'ективным, отметил сначала ошибку докладчика в пользовании наиболее опасным статистическим методом, когда он, докладчик, чтобы показать роль иногороднего населения в борьбе с казачеством, включал и города против станиц и совершенно исключил горцев, как будто их как фактора борьбы нет.

„В. К." явление чрезвычайно интересное и серьезное и на него нельзя замахиваться шапкой, оно нуждается в более серьезной критике.

Главное положение — казачество нация, и если докладчик говорит, что ее нет, то почему бы ее даже не „выдумать", если это полезно. История дает примеры национального строительства именно иным, чем кровным путем — швейцарская нация, бельгийская, люксембург, наконец, португальская, испанская, американская...

„В. К." нет никакой нужды искать национальной аргументировки в исторической давности и кровности происхожденя; „В. К." может иметь для этого гораздо более веские аргументы, лежащие главным образом в сущности экономических отношений на казачьих территориях.

И. Вихлянцев. — Я не нахожу возможным касаться всех вопросов, затронутых докладчиком. Большинство собравшихся — украинцы. Мы, вольное казачество, заинтересованы во взаимном понимании и добром соседстве с вами.

Многие нас казаков считают русскими. Это не так. Мы были только русские подданые. До 1707 г. мы были вольной республикой. С 1708-1917 российской колонией, с 1917 снова республикой.

За время пребывания под Россией казачество не ассимилировалось, не обрусело, наоборот, как только предсавлялась возможность, вновь возродило свое право. Экзамен на государственность мы, казаки, выдержали. В этом существенное отличие нашего казачьего народа от народа русского, великорусского. Ни анархии, ни безвластия. У нас есть такие яркие исторические страницы, которыми мы можем гордиться. 23 апреля 1918 г. освобождается восставшим казачеством Новочеркасск, 3 мая работает Круг Спасения Дона... Через десять дней! Принимает основные законы самостоятельного государства — Дона; об'являет внешнюю освободительную войну; об'являет мобилизацию; избирает атамана и правительство. В грохоте орудий, в смраде пожарищ родных станиц возрождается казачье государство. Дон об'является самостоятельным государством, на верность служения ему, своему отечеству, приносится присяга с клятвою служить только ему — В. В. Д.

А в России?... — За 8 месяцев не могли созвать Учредительного собрания, да и созвали только для того, чтобы пред всем миром продемонстрировать государственную слабость русского народа. А белое движение?... Были 160 верст от Москвы, имели огромную освобожденную территорию и вспомните — никто и не подумал о созвании поместного Земского Собора или Поместного Учредительного Собрания для оформления законности белого движения...

В понимании государственных вопросов Россия нам казакам не родня. Формально же мы с нею ничем не связаны — ни присягой, ни договором, ни обязательством.

Наше отношение к Украине. Вы нам близкие, родные.

Украина относилась к нам и уважала нас также, как и мы ее, и, как вольный с вольным, как равный с равным, мы в Киев засылали свои зимовые станицы, Украина к нам в Новочеркасск слала свои посольства. Так же мы пойдем и далее в своей взаимной работе, освобождать свои земли, возрождать их. Здесь нас не смутит новый вид казачьего подхалимства типа докладчика П. Л. Макаренко. Вчера они были членами Кубанской Краевой Рады, вырабатывали и принимали конституцию Вольной Кубанской Республики, а сегодня они говорят — никакого Казачества нет, это вздор, есть только Соборная Украина. Цену этим выродкам, калекам российских школ, и вы и мы знаем хорошо и не им сбить нас с нашего исторического пути — вольный с вольным — равный с равным. Страшных исторических ошибок мы не повторим, дабы от нашей ссоры опять не выиграл все тот же третий — Россия.

Как мы, Вольное Казачество,смотрим на свое будущее? — Наша первая задача — вернуть историю к тому моменту, на котором она была прервана насилием. Дальше, когда соберется на Дону Круг, на Кубани Рада, мозг казачьего народа найдет необходимую форму государственного сосуществования, согласно с требованием времени. Наш минимум чаяний — осуществление свободного Ю. — В. Союза, наш максимум — Славянские Соединенные Штаты, созданные как вольный с вольным, равный с равным.

Д-р С. Федоров підкреслив, що докладчик відкидаючи реальну концепцію „В. К.", що до утворення поміж Уралом і Азовським та Каспійським морями державного Союзу козачих республик сам не дає нічого певного для оформлення своєї концепції.

По докладчику серьезно неможна говорити про Південно-Східну козацьку державу, бо Росія знищить її в своїй експанзії до теплих морів...

Докладчик оперує, далі, більше абстрактними почуттями сердця, кровними звязками, національною єдністю, але це не є реально для нашого часу і дня в Козацьких Країнах, бо вони на соборність аналогичную единонеделімчеству не підуть.

Оппонент цітує листи з Кубані в українській радянській газети, де говориться що козача масса ніколи не підеть до України як область, а лише на федерацію, або скорійше конфедерацію.

Конфедерація Півдня,держав Чорноморсько - Азовського бассейну, є питанне другого дня, на сьогодня же реальним є лише самостійність і козача державність. Докладчик дає безоговорочну соборність зараз, хоч сам в конці лютого (февраля с. г.) публично в программі заявляв що на область в Україні не зго-

жується і буде боротися проти приєднання на таких умовах, що лише піде на федерацію.

І коли бачишь у його і його групи сістематичну боротьбу з „В. К." то мимоволі думаєшь — чіє це він діло робить?

Далее довольно долго рекламировал свою группу украинских фашистов галичанин — матурант, радовавшийся, что они, одни признающие безоговорочно соборность, встречают среди кубанцев в лице докладчика и его группы таких же безоговорочных соборян.

Горячую убедительную речь, покрытую апплодисментами произнес Бать (гетманець).

Після того, як була самостійна Українська держава, самостійна Донська, самостійна Кубанська республіка, — то вже треба виходить з цих положенні: були держави, це і є єдине реальне.

Як об'єднати Кубань з Україною, коли помиж ними море і Дон? правда на Дону є маленькі округи — корідорчик на Кубань, де є більшість українська, але ж Дон би тоди одризувався від моря тоненькою смугою. Одірвати ці землі від Дону і кинути його в об'ятия московські? Ні, ні, ні, — неможливо, абсурд думати про це.

З точки погляду української державности, на сьогодня ми не в силах приєднати Кубань до України, коли є Дон. Чи можна нехтувати Доном? — Ні.

Українців на Кубані 60%, але вони не є так сильні щоби могли опанувати Кубанью, ворожнеча ж не в інтересі Української державности.

Не робити ворогів, не робити корідорів, але забезпечити Союзною Спілкою козацьких держав інтереси України — є реальною політикою завтрашнього дня, одиноко можливою і єдино можливою в українських інтересах.

У групи п. Макаренка, докладчика, державної точки погляду нема, це є крок назад. Вони проповідують абстрактні інтереси, зате „Вільне Козацтво" виходить з реального і цілком відповідає інтересам українського народу і української державности.

Тут наши погляди з У. Н. Р. сходяться, хоч ми і є противники.

На Кавказе.

Гибель горского партизана и тяжелое хозяйственное положение на С. Кавказе.

Корреспондент информационного бюро горцев Кавказа сообщает о гибели на С. Кавказе в Кабарде, в ночь с 26-го на 27-ое марта с. г., неуловимого начальника партизанского отряда кабардинца Темиркана Шипшева и его двоюродного брата Тугана Шипшева. Имя Темиркана Шипшева, как национального героя в неравной борьбе горцев с коммунистической властью навсегда останется в памяти населения не только Кабарды, но и всего С. Кавказа.

Неутомимый партизан, он боролся с советской властью с начала 1920 г. К Шипшеву стекались все недовольные и он в течении 8 лет доставлял коммунистам много хлопот. В 1924 г. отрядом Шипшева был уничтожен небольшой красноармейский отряд. Темиркан делал налеты на поезда железных дорог, напр.: в декабре 1923 г. он остановил около ст. Черноярской скорый поезд, вытащил оттуда всех коммунистов, при чем ему удалось захватить секретную коммунистическую почту. В 1924 г., около ст. Котляревской, чрезвычайно смелый его налет на поезд идущий в Нальчик, предпринятый с целью захвата видного коммунистического комиссара, заставил говорить большевицкую печать и вызвало ряд репрессивных мер в Кабарде, где были арестованы все родственники Темиркана и другие подозреваемые в содействии „бандитам" лица, не исключая пожилых женщин и молодых девиц. В 1925 г. отряд Шипшева в числе около 150 человек выдержал ряд ожесточенных боев с частями Огпу и красноармейцами, во время которых красные понесли большие потери, но и отряд лишился больше половины своего состава. Имена этих современных джигитов-борцов за свободу — история не забудет, как не забывает их теперь придушенное коммунистами население горских народов. После этого, Темиркан, принужденный все время переезжать из одного района в другой, еще не раз имел столкновения с воинскими частями красных и потерял еще ряд своих доблестных друзей, а потому за последнее время с уцелевшими своими близкими почти бездействовал и проживал в Ингушетии и Чечне. Несмотря на это его пребывание там сильно беспокоило коммунистическую власть, которая начала сильно нажимать на население чтобы оно выдало партизана. Не желая подвергать эти гостеприимные народы большим неприятностям, он вернулся обратно в Кабарду, но тут вследствие предательства, этот непримиримый враг чекистов, попал в их кровавые руки. Шпионы чека — разнюхали, что Темиркан и Туган Шипшевы 26 марта ночуют в селении Тамбиево — 2-ом и донесли куда следует. Всегда готовый на этот случай отряд Огпу прибыл ночью, окружил весь район и дом, где помешались Шипшевы, которые до самого утра ничего не подозревали. Утром Шипшевы увидели что они обложены и схватились за оружие. Им предложили сдаться. Получив отрицательный ответ красные открыли по ним огонь: из пулеметов, бомбометов и винтовок. Перестрелка продолжалась более часа и, когда она несколько утихла, Туган с двумя револьверами в руках, выскочил из кунацкой, но тут же пал мертвым, сраженный пулеметными пулями. Темиркан один оставшийся в доме, продолжал борьбу и причинял существенный урон врагу, так как красные начали выносить раненых и приостановили огонь. Раненными оказались и двое хозяев дома, приютившие Шипшевых и поддерживавшие его при перестрелке. После маленького совещания, большевики послали в дом к Темиркану почетных стариков аула, которые заявили ему:

— „Если ты будешь продолжать свое сопротивление, то нам всем и приютившему тебя нашему аулу грозит неминуемая гибель, а потому мы надеемся, что ты ради всех нас пожертвуешь собой."

Тамиркан ответил: — „Сдаться моим непримиримым врагам живым для меня было невозможностью, но тем не менее, если моя сдача может спасти население приютившего меня в последний раз аула, я готов идти на эту тяжелую жертву". Сказав это, он тут же вручил старикам все свое оружие.

Так кончилась еще одна страница неравной героической и тяжкой борьбы горцев Кавказа с коммунизмом и красными оккупантами.

Наш корреспондент побывал недавно в Дагестане, на Тереке, на Кубани и Дону, а также в Ставрополе и Черномории и вот что он рассказывает. „Всюду громадные массы безработных, которые очень часто учиняют беспорядки; власти ничего не могут сделать. Хлеб всюду отнимают у населения силой и без всякого разговора. Частная торговля почти прекратилась. В кооперативах мануфактуры почти нельзя достать, а если и есть — то такие цены, что бедным они совершенно недоступны. Начавшееся было возрождаться скотоводство среди горского населения, снова пошло на убыль; непомерные налоги и принуждение правительственных агентов, настаивающих на продаже скота по твердым ценам (пуд живого веса 4 рубля), убедило горцев, что при советской власти невозможно восстановить хозяйство. Недовольство населения растет изо дня в день, переходя местами в открытую форму.

На митингах большевицкие ораторы все время говорят о будущей войне капиталистических государств против советского союза и о неизбежности этой войны."

А. Ц.

В С. С. С. Р.

Будет или не будет голод в С.С.С.Р.?

Вопрос о том, будет или не будет голод в СССР наиболее волнует сейчас население коммунистическо-большевицкого „рая". Согласно данным центрального статистического бюро, в целом СССР ожидается в этом году средний урожай — лучший, чем в прошлом году. Казалось бы, что при таких условиях бояться было бы нечего. Но... „статистика" в СССР часто „ошибается".

Беспокойство населения поддерживается и большими закупками хлеба, которые производит сейчас соввласть заграницей. Да и в самой большевицкой печати проскальзывают некоторые данные, дающие повод для беспокойства. В некоторых советских газетах читаем места, вроде: „через несколько недель начнется новая хлебозаготовительная кампания, которая в настоящем году будет более сложной, чем в прошлом. Запоздавшая весна, плохое состояние озимых посевов во многих местах, спешный новый засев, холодная погода, — все это создало напряженное состояние на хлебном рынке".

Неуверенно напряженное состояние на хлебном рынке заметно особенно в Москве, где ухудшилось качество хлеба и где временами бывает недостаток хлеба. Подобные затруднения переживают центральные губернии и Украина. В некоторых украинских центрах нужно уже становится в очередь. Напряженное состояние наблюдается и в Сибири.

В советских экономических кругах призывают к спокойствию, т. к. нынешние затруднения вытекают из неудачи прошлогодней хлебозаготовительной кампании.

В Казачьих Землях.

„Строительство" в Казачьих Землях.

Строят по разному: частник — глиняные мазанки, государственный „застройщик" старается вывести все из камня, даже курятник при доме; кооператоры стремятся построить покрасивей и дешевле.

В текущем сезоне частник на 70% по старому довольствуется возведением мазанок.

Непомерно разрослись в Ростове на Дону „Глинища", часть города, богатая глиной — строительный материал под ногами.

В Краснодаре (Екатеринодаре), в сторону Карасуни вытягивается длинный хобот мизерных домишек. В Ставрополе глину заменяет камень-трескун, очень слабый и ненадежный для постройки.

Строительство происходит без надзора. Строят на Дону, особенно в Ростове, из чего попало. В ход идет планка и глина, камыш и солома. В результате вырастает дрянненький городок, но так как в нем живут рабочие, а не кто нибудь, то приходится проводить воду и свет и городок сам ценою примерно в 800 тысяч рублей требует коммунальных услуг на двойную сумму.

Стройка даже в промышленных районах — на Шахтах и в Грозном не всегда продумана и стоит дорого. Начало строительного сезона запоздало повсеместно.

На одном руднике сотруднику „Известий" (30 мая) управляющий рассказал „печальный прошлогодний анекдот", показывая рукой на новые рабочие домики: „посмотришь, флигеля аккуратной постройки из шлакобетона, но, к сожалению, построены совершенно наоборот: окна во внутрь двориков, а черные двери — к фасаду; около черных дверей — лохани, помойные ведра". „Немного ошиблись. Произошло это, говорят, очень просто: когда готовили рабочий чертеж, то бумагу-синельку вложили как следует, а калыку перевернули, и вот вышло совсем наоборот.

Вывернутые дома все-таки не худшее, чем можем похвастать — рассказывал один из северно-кавказских строителей-предпринимателей. Есть случаи, когда строители совершенно не знают площади, на которой поднимется начерченный ими дом. Так один, очень тщательно вычерченный проект оказался на 5 метров больше самого участка замли.

В Шахтах, в 35 километрах от краевого центра, Донуголь, производящий 53 процента всей стройки в округе, везет известь с Украины, между тем как Шахты сами славятся известью. Кладет Донуголь дома и крохотные здания на цементе, точно это крепости.

Понятно, если на Московщине начинают строительный сезон поздней весной, но, например, в Шахтах в прошлом сезоне постройки начали в июне. Так было и в других местностях Северного Кавказа. При этом медленность темпа постройки ужасающа.

Как строился Канал в Терском округе. „Известия" (3о мая) пишут, что в истории советского бесхозяйственного и безобразного строительства самое „почетное" место должно будет занять стрительство Куро-Марьинского Канала в Терском округе, который должен был обводнить огромные терские степи.

325 тысяч гектаров земли обводнить, не меньшее количество болотных земель осушить, несколько крупных районов обогатить и экономически возродить — вот что должен был сделать этот Канал.

Но, вместо прдполагавшихся 1.164 тыс. рублей этот канал обойдется до трех миллионов рублей. Вместо того, чтобы в июне этого года по каналу пошла вода, пуск воды предполагается, в лучшем случае, только через два года и то в том только „счастливом" случае, если новые изыскания обнаружат источники воды, так как той воды, на которую расчитывали строители, едва ли хватит на обслуживание канала в размере 20.–25%. Постройка канала велась без каких либо технических обоснований, без плана финансирования, без обыкновенного календарного плана работ.

По сему случаю терский окрисполком постановил: „если дополнительные кредиты отпущены не будут, то все затраты, имевшие место до настоящего времени, в сумме одного миллиона руб., окажутся произведенными бесполезно; проблема обводнения засушливых районов окажется дискредитированной и т. п.

Между прочим выяснилось, что строители вначале предполагали строить на канале 60 мостов деревянных. Закупили 80 вагонов леса, развезли по местам; потом одумались и решили строить из железобетона.

Потом решили строить половину мостов из железобетона, половину деревянных. Половина материалов купленных для тех и других, деревянных и железобетонных мостов, оказалась ненужной. Только теперь выяснилось, что воды для канала не хватит. Бешеные деньги нужны для новых изысканий.

Канал рыли глубиной в три метра. Это значит, что отводить воду на поля невозможно. Теперь нужно либо рыть новый канал и засыпать вырытые места, либо отказаться от намеченных целей. Конечно инженер, строивший канал, окружил и себя и канал родственничками и приятелями, такими же „опытными" в строительстве как он сам.

Финал: разумеется „некоторым руководителям", как пишут „Известия" об'явлен выговор, строительный комитет за возмутительное бездействие расформирован; инженер, всю эту чепуху строивший, „снят с работы".

Из 2-го Дон. Округа.

(Из письма).

. . . . . .

Благодарю Вас Г. В., что не забываете и меня; новостей у нас кроме никаких нет, как проходит размежевание нашей Донской области: Саратов делают нашей губернией, Царицын — уездным городом, а по сему

я думаю, что это не плохо: Саратов город шумный и веселый. Урал и Оренбург с Астраханскими казаками пришивают к Донской области, дело хорошее, как я понимаю, а Вы там думаю сами все знаете? идет на отделение.

Прощайте, бывайте здоровы.

Уважающий Вас Е. Т.

Июня 20-1928.

Українська музика в Празі.

Пражська консерваторія виступила при кінці червня ц. р. з цілим рядом концертів своїх абсольвентів, котрі заступали всі відділи музичного мистецтво. Загальний рівень усіх концертів був високий, а деяких навіть надзвичайний і першорядний.

В цьому році абсольвували і чотирі українці: один співак, один піаніст і два композита і їх публичні продукції я саме хочу коротко обговорити.

П. Птиця, бас, співав на концерті 19-го червня дві речі: Римського-Корсакова: пісню варяжського гостя з оп. „Садко“ (по чеськи) та Россіні: арію Базиля з оп. „Севильський голяр“ (по італійськи). Враження з його виступу було добре; голосовий матеріал, який має п. Птиця та ті техничні засоби, що він собі здобув в консерваторії, дають йому певну запоруку успіху в його дальшій мистецькій праці.

На концерті 22-го червня грав наш піаніст п. Р. Савицький Баха-Бусонія: Чаконну. П. Савицкий є людина інтелігентно-музикальна і зрозуміння твору, який він виконує, є у нього всесторонне; а це вже єсть добра половина успіху. Техничні засоби нашого піаниста єсть також високої вартости і тому його гра має в собі закінчену мистецьку гармонійність.

Абсольвент композиційної кляси п. М. Колесса належить до наймолодшого покоління українськик музиків. Иого „українська сюіта“, яку виконала чеська фільгармонія 27-го червня, — це перший твір молоденького композитора, який побачив світло більшої естради і сьогодня ще ніяк не можна означити характеру та стилю його автора з тої простої причини, що М. Колесса находиться ще, мовляв, в плинному стані, в стаддії формування і як остаточно скристалізується його індивідуальність, — про це сьогодні рішуче говорити було би занадшо сміливо. В кожнім разі видно у М. Колесси змагання до модерної гармонії та барвистої інструментації.

Вповні скристалізованим композитором та закінченим майстром виявив себе др. Нестор Нижанківський, який тепер саме абсольвував майстерську школу по композиції (у метр. В. Новака). На концерті 23-го червня було проведене його клявірне тріо п. Р. Савицьким (клявір) та двома чехами (скрипка та чельо), також дуже гарними артистами — виконавцями. Успіх тріа Нижанківського був великий серед української публіки, що зібралося на цьому концерті і серед чеських музиків-фахівців, що дуже симпатично віднеслися до нашого автора та його твору.

Клявірне тріо Нижанківського скриває в собі глибоко продуману внутрішню програму. Його перша частина (з формального боку: соната) — це драма, це хвилювання, це боротьба стихій; буйна трагічність проривається раз-у-раз у нестриману ширину; пристрасти являються непоборимі, а коли на мент і затихають, то тільки на те, щоби зараз вибухнути ще з більшою силою. Така боротьба страшенно втомлює і ламає героїв. І ось наступає похоронна пісня, — частина друга (формально: пісня великої форми). Музична підстава для неї є взята з народнього-церковного напіву „Со духы праведныхъ“ в незвичайно удачній гармонізації автора. З цієї підстави розвинув Нижанківський цілу свою похоронну пісню, яка вражає не менчою трагічністю, ніж перша частина, але тепер це трагічність зламаної психології. Вершком її являються останні тони сординованої скрипки та челя.

Одначе смертельне приснобление було тільке тимчасове. В третій частині народжуються знову бодьорі елєменти мелодійні та жива ритміка. Це єсть новий порив до життя, до борютьби. Автор свідомо згадує буйні змагання першої частини, впроваджуючи тепер цитати, або варіянти головної теми тріа і закінчує свій твір колосальним звигом музичної трагічности, котра досягає своєї кульмінаційної точки на кінці цеї частини.

Оцю психологічну програму перевів Нижанківський майстерними техничними засобами.

Мелодика Нижанківського є богата, співна та широка. Його камеральний стиль — бездоганний; він уміє писати і для клявіру і для струнних. В результаті виходить дуже добре звучання ансамблю.

Всі ті згадані якости у творчости Нижанкивського не можуть минути без сліду для української музики взагалі. Хоч його композиційний стиль не є найновіщий в порівнанні з сьогочасним модернізмом Европи, але для української музики він має і буди мате значіння того великого ступіня вперед, того важного етапу, з якого мусить зродитися в недалекій майбутности наша нова, модерна музична культура.

З. Лиско.

Оголошення.

Стараннями Громади Українців з Кубані в Празі вийшла з друку збірка творів Якова Герасимовича Кухаренка, Наказного Отамана Війська Чорноморьского, великого знавця козачого побуту на Кубані. Це перше ілюстроване видання творів Я. Кухаренка, яке містить в себі: 1. Чорноморський побут, 2. Пластуни, 3. Вороний кінь, 4. Вівці й Чабани в Чорноморії, 5. Свідок скільки худоби, скільки землі й народу козацького роду, 6. Чабанський словарь, 7. Харько Запорозький Кошовий, Біографія Я. Кухаренка і критичний огляд попердніх видань його творів (Г. Омельченка).

Розмір книжки 16⁰ — 144 стр., 8 ілюстрацій в містецькій обкладинці. Ціна 18к. ч., з пересилкою 20 к. ч. Для студентів і робітників — 15 к. ч.

Книгарням і купцям 33% знижки. Книжка висилається лише за готівку. Гроші пересилати можна на „Česká Banka, folio 1537 Sdružení Ukrajinoů z Kubáně, Praha XII, Fochova tř. Tchécoslovaquie“, під умовою що банк видає гроші пані М. Омельченковій лише по предявленій нею поштової росписки і рахунка скілько книжок переслано подателю грошей.

Склад книжок: п. Marie Omelčenková, Mánesová, 39, Praha XII, Tchécoslovaquie.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество"

„Вільне Козацтво"

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0·75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Michal Frolov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 314175-VII.-1927. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně Františka Vonky.